

“ПОМОГАЛ НАМ ДОБЫВАТЬ ОТЧИЗНУ НАШУ...”

В настоящей публикации из наследия Вадима Валериановича Кожина представлены тексты из домашних и государственных архивов.

“Внутреннюю рецензию” на книгу Михаила Лобанова “Внутреннее и внешнее” предоставил сам Михаил Петрович. Книга эта вышла в 1982 году в издательстве “Советская Россия” под окончательным названием “Размышления о литературе и жизни”, и видно, что на окончательное решение Лобанова изменить её название повлияли именно рассуждения Кожина.

Вадим Валерианович (при всех своих разногласиях с Лобановым) не раз отзывался о нём в самых высоких словах. Так, в одной из своих статей он указывал, что новое направление журнала “Молодая гвардия” в 1960-х годах “начало складываться... прежде всего в статьях Михаила Лобанова” (“Самая большая опасность”), а в другой напомнил о критике, “чье поведение в литературе на протяжении десятилетий — образец для каждого литератора” (“Литература и демократия”).

Следующие два текста, условно названные “Рассказ о вышедших и выходящих книгах” и “О круге чтения последних лет” сохранились в машинописи без заголовков в личном архиве Вадима Валериановича. Очевидно, это записи на магнитофонную ленту для радиопередач или газетных публикаций. Но ни в одной из опубликованных бесед Кожина этих текстов нет.

Отдельного слова заслуживают письма Кожина. Его письмо к члену-корреспонденту АН СССР, сотруднику Института мировой литературы Николаю Фёдоровичу Бельчикову (1890–1979) написано в то время, когда в жизни молодого сотрудника отдела теории института происходил существенный перелом: от изучения собственно теории литературы Кожин двигался в направлении фундаментального и глубокого изучения её истории. Помимо всего прочего, это письмо служит живым опровержением распространившегося злокозненного “мифа”, что Вадим Валерианович, якобы, не работал непосредственно с архивными документами.

История взаимоотношений В. В. Кожина с М. М. Бахтиным — тема отдельного литературного исследования, по сути, целой книги. Часть их переписки уже публиковалась в витебском журнале “Диалог. Карнавал. Хронотоп” (2000, № 3-4. Публикация Н. В. Панькова). Мы публикуем часть сохранившихся в архиве М. М. Бахтина кожиновских писем, преимущественно касающихся истории издания книги Бахтина “Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса” в издательстве “Художественная литература” в 1965 году. Как правило, все письма Вадим Валерианович отправлял на имя Михаила Михайловича и его супруги Елены Александровны от своего имени и имени своей супруги Елены Владимировны. Таким образом эта переписка при всей существенности затронутых в ней вопросов и проблем приобрела некий “семейный” характер.

Переписка с поэтом Борисом Чичибабиным — отдельная страница в эпистолярном наследии Кожина. Он высоко ценил ранние стихи Чичибабина, а стихотворение “Кончусь, останусь жив ли...” было даже записано им на магнитофонную плёнку и не единожды “ставилось” для прослушивания раз-

личным посетителям кожиновского дома. Но для Вадима Валериановича было непеносимо, что поэт так и застрял в плену либеральных штампов и ориентиров и так, по сути, не созрел духовно. Окончательную черту в этом “диалоге” (ответные письма Б. Чичибабина пока не обнаружены) Кожин подвёл в первой главе книги “История Руси и русского слова. Современный взгляд” (М., 1997), проанализировав строки из стихотворения Б. Чичибабина “Проклятие Петра” (1970): “...У людей, чьи жизненные устои рушила эпоха Петра, было действительно и несомненное право начисто отрицать её: трагедия стрельцов, рельефно воссозданная в суриковском полотне, — это подлинная трагедия. А в трагедии, как убедительно доказывал Гегель, правы обе борющиеся не на жизнь, а на смерть стороны. Между тем историческая оценка петровской эпохи дана, думается, навсегда самим Пушкиным, который не упускал из виду фигуру Петра на протяжении всего своего творческого пути. И нынешнее проклятье по адресу Петра, если оно честно и последовательно, должно сопровождаться отрицанием одной из незыблемых основ пушкинского исторического мышления, которое, между прочим, являет высший образец объективности: “утверждение” и “отрицание” Петра здесь гениально уравновешены... На основе поверхностного, легковесного отношения к истории, одно в ней подвергается безумной хуле, а другое столь же безумной хвале. Так, например, тот же Б. Чичибабин, начисто презрев глубокое пушкинское осмысление фигуры Петра, вместе с тем безо всяких оснований “привлѣк” Пушкина к своему легковесному воспеванию другого исторического деятеля:

*В наши сны деревенские и городские
пробираются мраки со дна —
только Пушкин один да один у России,
как Россия на свете одна.*

*А ведь разумом Пушкин-то с Лениным сходен,
словно свет их один породил,
и чем больше мы связи меж ними находим,
тем светлее заря впереди.*

Такая стихотворная “историософия” (я говорю о стихах и о Петре, и о Пушкине с Лениным), да ещё в сочинениях автора, увенчанного в 1990 году высшей премией, способна внести прискорбнейшую сумятицу в сознание людей...”

Переписка с Варламом Шаламовым касалась преимущественно поэзии А. А. Голенищева-Кутузова. И здесь обращает на себя внимание высокая оценка Шаламовым книги В. В. Кожина “Как пишут стихи” (М., 1970). “Ваша книжка “Как пишут стихи” пример верного подхода к самой сути стихов. Стихи — это ведь особый мир, очень далѣкий, от, скажем, прозы. В Вашей книжке можно рассматривать отдельные имена, но не метод, не суть метода. “Как пишут стихи” — ярчайший пример именно серьёзного и умного <подхода> к роковому вопросу русского стихосложения. Поэзия ведь непереводаима, и не напиши Вадим Валерьянович Кожин о Голенищеве-Кутузове, и большой поэт исчезнет, хотя он — наш современник...” (Из письма В. Т. Шаламову В. В. Кожину от 5 января 1977 года). В опубликованных записных книжках Шаламова остались свидетельства этой высокой оценки (“Книга Кожина “Как пишут стихи” — первая, где высказана правильная мысль о существовании дела, о том, что стихи — это искусство, <какие> стихи требуют обновления и что стихи — это особый мир, который нельзя исследовать прозаическими средствами...” — и в то же время в архиве самого писателя обнаружился рукописный отзыв на книгу, написанный чрезвычайно трудно разбираемым почерком, где Варлам Тихонович в самых высоких выражениях оценивает книгу в целом, но подвергает “уничтожению” последнюю главу “Судьба поэта и лирическое творчество. Блок и Есенин”, где Кожин подробно анализирует стихотворение Сергея Есенина “Прощай, Баку! Тебя я не увижу...” и Анатолія Передреева “Околица родная, что случилось?...” По мнению Шаламова, здесь автор “глух и слеп”, ибо лучший Есенин, по его мнению, это Есенин “Пугачёва” и “Исповеди хулигана”, а его стихи последнего года “не имеют отношения к поэзии”. Несправедливость его суждений очевидна, но сам этот штрих в общем портрете писателя явно небезынтересен.

Письма В. М. Лапшину и Е. В. Курдакову — поэтам, чьё творчество В. В. Кожин оценил чрезвычайно высоко, — относятся уже к концу XX столетия — на грани и за гранью “роковой черты” времён. Обращает на себя внимание небольшое предисловие “О творчестве Евгения Курдакова” к книге поэта “Русский Пантеон”, которая не публиковалась до сих пор.

* * *

Завершить это небольшое предисловие хотелось бы словами Валентина Григорьевича Распутина, сказанными им через месяц после кончины Вадима Валериановича:

“...Мы настолько привыкли, что у нас есть Вадим Валерианович Кожин, и он, сколько бы ни путали путаники отечественной культуры и истории, всё расставит по местам, поймает за руку, всему даст точное объяснение... — настолько привыкли, что и в горе прежде явилась невпадет какая-то детская обидка: да что же это он? Как теперь без него?”

“Исследователь” и “следователь” — слова близкие, одного корня, и означают поиски правды. Кожину в его последнее, самое тяжкое для России, преступное десятилетие, быть может, больше даже подходит “следователь” — в нравственном смысле: свои поиски он вёл не бесстрастно, не по-буквоедски, а словно спасая самую близкую судьбу, торопясь представить доказательства оговора и подтасовок. Даже тому, что происходит на наших глазах, Вадим Валерианович давал своё самостоятельное объяснение, и оно оказывалось более верным. Он постоянно находился рядом с нами, но шёл как бы чуть обочь — откуда видно лучше и где потайное смещение культурных и общественных пород оставляет читаемые знаки.

Что говорить! Он был одним из тех и даже более чем кто-либо другой, кто помогал нам добывать Отчизну нашу. Он очень нужен сегодня и как нужен был бы завтра...”

Письмо Н. Ф. Бельчикову публикуется по оригиналу (РГБ, ф. 828).

Письма М. М. Бахтину — РГБ, ф. 913.

Письма Б. А. Чичибабину — РГАЛИ, ф. 3202. оп. 1. ед. хр. 47.

Письмо В. Т. Шаламову — РГАЛИ, ф. 2596, оп. 3, ед. хр. 320.

Письма В. М. Лапшину и Е. В. Курдакову публикуются по оригиналам из семейных архивов.

Публикация, предисловие и комментарии к письмам подготовлены Сергеем Станиславовичем Куняевым.

ВАДИМ КОЖИНОВ

В издательство “Советская Россия”

Отзыв о книге Михаила Лобанова “Внутреннее и внешнее. Литературно-критические статьи”

Не могу не начать с того, что название книги представляется мне крайне неудачным и по существу, и в силу неизбежной ассоциации с фармакологией, делящей свои продукты именно на “внутреннее” и “внешнее”. Гораздо уместнее было бы, скажем, назвать книгу “Классика и современность”.

Это название не только точно обрисовало бы “материал” книги, но и выразило бы её основной пафос, и — одновременно главное её достоинство. Дело в том, что Михаил Лобанов обладает редкой способностью осмысливать и чувствовать творения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова

как жгуче современные, как живые силы нашего сегодняшнего бытия; вместе с тем он замечательно умеет раскрыть в деятельности современников – Астафьева, Белова, Шукшина, Распутина – прямое продолжение классики (пусть не всегда достигающее ее уровня).

Это удастся Михаилу Лобанову потому, что он сам всем своим существом живет жизнью русской литературы во всем ее объеме, – литературы, которая (это не требует доказательств) есть полнейшее и вернейшее воплощение нашего национального бытия. То, что это действительно так, прекрасно подтверждают вошедшие в книгу Михаила Лобанова проникновенные лирические зарисовки “Из памятного”; из них явствует, что критик видит в нашей жизни, – в конце концов даже в мелочах повседневного быта, – те же самые стихии и противоречия, которые открываются в великом мире русской литературы.

Чтобы раскрыть суть дела, процитирую точное размышление М. М. Бахтина: “Художник и человек чаще всего механически соединены в одной личности; в творчество человек уходит на время из “житейского волнения” как в другой мир “вдохновения, звуков сладких и молитв”. Что же в результате?..

Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно. Нет между ними единства и взаимопроникновения... Что же гарантирует внутреннюю связь? Только единство ответственности. За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своей жизнью... Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна стать сплошь ответственной... И нечего для оправдания безответственности ссылаться на “вдохновение”. Вдохновение, которое игнорирует жизнь и само игнорируется жизнью, не вдохновение, а одержание. Правильный, не самозванный смысл всех старых вопросов о взаимоотношении искусства и жизни, чистом искусстве и проч., истинный пафос их только в том, что и искусство и жизнь взаимно хотят облегчить свою задачу, снять свою ответственность, ибо легче творить, не отвечая за жизнь, и легче жить, не считаясь с искусством.

Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности”. (М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979, с. 5–6).

Именно так обстоит дело в том духовном мире, который выразился во всей целостности в книге Михаила Лобанова.

То, что я сказал о деятельности Михаила Лобанова, можно бы, конечно, развить и конкретизировать, но, я думаю, и из этого ясно, что Михаил Лобанов в моих глазах – один из очень немногих выдающихся литературных критиков современности. При этом не имеет решающего значения, все ли в его статьях “бесспорно”. Очень многие люди спорили и спорят до сих пор с тем, что говорили, допустим, Аполлон Григорьев и – крайне далекий от него – Дмитрий Писарев. Но никто уже не будет спорить с тем, что оба названных человека – замечательнейшие критики своего времени.

И тот факт, что критическая деятельность Михаила Лобанова многими из нынешних литераторов не оценена по заслугам, свидетельствует лишь о том, что эти литераторы не доросли до понимания ее внутренней значительности.

Не скрою, что я сам мог бы поспорить (и даже жестоко поспорить!) с целым рядом мыслей и оценок Михаила Лобанова. Но это был бы тот спор, тот вечный диалог, который в определенном смысле и составляет глубокую суть самой нашей жизни. И вести такой спор в издательской рецензии ни к чему. Интересно, между прочим, что мне нередко хочется спорить с Михаилом Лобановым, когда он говорит о литературе, однако когда он говорит (хотя бы в тех же зарисовках “Из памятного”) о жизни, мне всегда хочется соглашаться с ним.

Литература, по-видимому, вообще не может не вызвать на спор, ибо она есть не только воссоздание, но и истолкование жизни, которое прямо-таки побуждает нас заостренно высказывать свои, особенные суждения. И чем глубже и страстнее эти суждения (а суждения Михаила Лобанова именно таковы), тем закономернее спор вокруг них...

Мне было сообщено, что перед издательством волей-неволей встает вопрос о некотором сокращении книги (на 5 авт. листов). Книга, несмотря на то, что она состоит из отдельных статей, очень цельна, и лучше всего было бы обойтись без сокращений. Но если уж они окажутся неизбежными, с меньшими потерями для целого могут быть опущены, следующие главы: “Будни”

(стр. 191а–212), “Язык и характер” (стр. 321–386) и раздел о “Записках снайпера” (стр. 299–306).

Как ясно из предыдущего, я приветствую издание книги Михаила Лобанова и призываю издать ее максимальным из возможных тиражом, ибо иначе она сразу же станет такой библиографической редкостью, какими стали предшествующие книги критика.

16 февраля 1981 г.

Рассказ о вышедших и выходящих книгах

С самого начала своей литературной деятельности я – как и всякий человек, по-видимому, – испытывал желание иметь на своих полках те или иные книги. Но книги, которые были мне нужны, либо давно не переиздавались, либо вообще не видели свет, и это побудило меня заняться издательской деятельностью. Причем, не скрою, основным моим желанием при этом было, чтобы выпущенная мною книга стояла у меня на полке. То, что одновременно выйдут еще 99 тысяч 999 экземпляров, было как бы второстепенным моментом. Началось это с книг М. М. Бахтина о Достоевском и о Рабле. Давно, в шестидесятые годы, я прочитал изданную в 1929 году книгу Бахтина о Достоевском. Она меня потрясла. Я познакомился с Бахтиным, узнал, кстати, что книга вышла неполной, кроме того, тираж ее был всего две тысячи экземпляров. И я решил эту книгу издать.

Но что значит – “издать”? У издательств существуют свои планы, свои запросы. О Достоевском в то время писали примерно полтора десятка маститых литераторов, Бахтин же с 1929 года как бы не существовал, поскольку был арестован, находился в заключении, в ссылке, а после освобождения жил в Саранске, так как въезд в столицы ему не разрешили – всеми забыт и не знаем¹.

Кроме того, не скрою, я не знал многого из того, чем собирался заняться. Я обратился в издательство “Советский писатель” просто потому, что там работал мой друг по аспирантуре Лев Алексеевич Шубин, прекрасный человек, безвременно ушедший из жизни. Я не знал другого серьезного редактора, который мог бы мне помочь, и поэтому обратился в издательство “Советский писатель”. Потом, задним числом, я узнал, что это было самое нелепое решение, какое я мог принять: в издательстве работал некто Лесючевский, в прошлом следователь ленинградского ГПУ, лично занимавшийся делом Бахтина. Зная, что Бахтин осужден за антисоветскую деятельность, Лесючевский в качестве директора издательства предпринял неслыханные усилия, чтобы остановить эту книгу. Но мне случилось его победить, несмотря на то, что я был еще очень молод. Это был целый роман, авантурный и карнавальский, и чтобы пересказать все перипетии, понадобится 6–7 часов. Был, например, такой эпизод: книга в очередной раз не идет, и в этот момент появляется довольно известный итальянский русист Витторио Страда, который был осужден как ревизионист, а до этого был коммунистом, считался другом Советского Союза. Он пожелал со мной встретиться. Он рассказал, что известное итальянское издательство собирается издать все лучшие книги о Достоевском. Меня вдруг осеняет: “Слушайте, Витторио, есть прекрасная книга Бахтина, издайте ее”. – “Как, мы издаем таких замечательных исследователей, как Шкловский, Гроссман...” – “Да это все жалкие потуги рядом с Бахтиным. Книга Бахтина – гениальная книга, конгениальная Достоевскому”. Он смотрит на меня, прошу прощения, как баран на новые ворота, явно мне не верит и ничего для издания этой книги делать не будет. Тогда я говорю: “Витторио, хорошо, оставим вопрос об издании. Но не могли бы вы оказать мне одну любезность, ни к чему вас не обязывающую: прислать в “Международную книгу” бумагу, что собираетесь издавать книгу Бахтина и просите обратиться ко мне, как к человеку, представляющему Бахтина в Москве, поскольку он живет в Мордовии, куда иностранцев не допускают”. И он присылают такое письмо. Я пробиваюсь на прием к директору “Международной книги”, то есть к заместителю министра внешней торговли, говорю ему: “Вы знаете, сложились очень драматические обстоятельства: итальянское издательство хочет получить эту книгу, а нам было бы выгоднее, если бы она сначала вышла в Москве. О Бахтине давно забыли, он человек, не обладающий властью,

книга его лежит в издательстве “Советский писатель” и никак не идет, а в результате кончится тем, что в Италии она выйдет раньше, чем у нас, и будет повторение истории с Пастернаком.” Заместитель министра – к сожалению, не помню его фамилии – на моих глазах буквально затрепетал и стал у меня, почти мальчишки, спрашивать, что же делать. Я достал заранее заготовленную бумагу о том, что в связи с готовящимся выходом книги Бахтина в Италии “Международная книга” настоятельно рекомендует издательству немедленно выпустить книгу в свет в Москве, чтобы за границей она печаталась по советскому изданию – и предложил послать такое письмо на бланке “Международной книги” в “Советский писатель”. Он тут же вызывает секретаря, приказывает оформить письмо на бланке, и я добавляю: “Вы знаете, там все бездельники сидят в этом издательстве, вы пошлите письмо с курьером и чтобы курьер принес ответ”. После этого книга пошла в набор².

Таких историй я могу рассказать десяток.

Потом только я понял, что книгу Бахтина издать было нельзя. И потому, что осужден он был не в 37-м году, а в 29-м, а таких людей никто особенно не реабилитировал. И потому, что книга откровенно немарксистская, и когда она вышла, кстати, тут же появились рецензии, обвиняющие издательство в том, что оно издало идеалистическую книгу о Достоевском, и т. д., и т. п. Но сам факт того, что я начал свою издательскую деятельность с такого крепкого орешка, привил мне некий азарт.

И как только мне в голову приходила идея издания той или иной книги, я шел в какое-нибудь издательство, предлагал, подчас это было трудно, бывало, что на это уходили целые годы, но книга, тем не менее, выходила.

Я очень дорожу, например, книгой “Поэты тютчевской плеяды”, вышедшей в 1982 году. Это сборник стихотворений Ф. Тютчева и еще шести поэтов, близких Тютчеву. Должен сказать, что до появления этой книги не существовало самого понятия “тютчевская плеяда”. Несколько литературоведов указывали, что после пушкинской плеяды были поэты тютчевской поры, как-то связанные с Тютчевым³. Издать такую книгу было непросто: мне сразу же начали говорить, что никакой такой плеяды нет, и лишь когда книга вышла, стало возможным убедиться, что шесть представленных поэтов (а в предисловии я указывал, что можно было опубликовать и два десятка имен) шли уже по другой, отличной от Пушкина дороге. При том, что до этого момента было издано около полутора десятков, если считать дореволюционные, сборников поэтов пушкинской плеяды, пушкинской поры, появление аналогичного тютчевского сборника было неожиданностью и многими не принималось. Кроме того, все вошедшие в сборник поэты, как и сам Тютчев, были тесно связаны с религиозной темой, и это тоже создавало затруднения.

Даже не ставя перед собой такой задачи, я принял очень удачное для данного случая решение: я пригласил оформить книгу известного графика Ю. Селиверстова, который давно связан с церковью, и он выполнил заставки к подборке каждого из поэтов, подчеркнул религиозный характер их творчества. Особенно интересна его заставка к Шевыреву, хотя и не достигавшему силы лучших тютчевских творений, но очень интересному поэту. Вот стихотворение Шевырева о поездке в Италию:

*Воздух скован теплотой,
Крылья ветра непрохладны:
Манят тени темнотой,
Но и тени безотрадны.
В тёплых рощах стрекоча,
Надоела саранча;
Зефир листьев не колышет;
Всё чуть движется, чуть дышит;
Мир уснул, оцепенел;
Морит зной, но небо ясно,
И не жди, чтоб дождь ненастно
Над тобою прошумел.*

Среди стихотворений Шевырева есть знаменитое стихотворение о Соловецком монастыре⁴. При создании иллюстрации Селиверстов совершенно естественно обратился к старинной литографии с изображением основателей

монастыря преподобных Зосимы и Савватия, проплывающих на лодке мимо его стен. Издательство просто-таки взревело от подобной “пропаганды религии”. И Селиверстов, в свою очередь, твердо встал на своем, и сколько я его ни уговаривал отказаться от этой идеи, он отвечал мне, что не может совершить предательство по отношению к преподобным Зосиме и Савватию. В конце концов он пошел к своему духовнику, и тот, лукавый русский поп, сказал ему: “А что? Они, может, в данный момент за парус зашли...” И поскольку эта литография сейчас широко известна, а сюжет ее в рисунке Селиверстова сохранен, то так и вышло, что преподобные отцы просто зашли за парус, и поэтому их не видно... Излишне говорить, что из-за каждой иллюстрации в издательстве происходила такая же драка. После я сказал Селиверстову: “Извини, Юра, но ты мне очень помог. Из-за твоих иллюстраций никто не посмотрел, какие стихи печатаются”. Всем бросились в глаза картинки, и уже не хватало внимания на стихи, большинство из которых имели ярко выраженное религиозное содержание. Вот, например, стихотворение Вяземского, первое вспомнившееся:

*Иному жизнь — одна игрушка,
Другому жизнь — тяжёлый крест:
Скорбь и веселье, плач и хохот
Доходят к нам из тех же мест.*

*А может быть, над этим смехом
Есть отвержения печать;
А может быть, под этим плачем
Таится Божья благодать.*

Так что, если бы не иллюстрации Селиверстова, книги могло и не быть. А она все-таки вышла, и произвела хорошее впечатление на кого-то из властей предрежущих, после чего директор издательства дал распоряжение отпечатать второй тираж — сто тысяч, а потом добавил еще сто тысяч. Правда, должен признаться, что я их никогда не видел и не знаю, куда ушли эти двести тысяч тиража. Их словно засохшая пустыня впитала.

Я очень горжусь тем, что в 1976 году в издательстве “Советская Россия” издал книгу стихотворений Тютчева⁵. Я давно занимался его творчеством, и мне казалось, что многие стихотворения Тютчева печатаются с искажениями. Я хотел дать настоящие варианты, причем поступить честно и в примечаниях указать, что в других изданиях есть такие-то и такие-то отличия. Вот, например, очень известные строки Тютчева, которые многие годы печатались так:

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.*

Мне удалось установить, что в рукописи у Тютчева было: “Счастлив, кто посетил сей мир...” Кто-то из редакторов (видимо, Тургенев), исправил “счастлив” на “блажен”, посчитав неправильным ударение на втором слоге в слов “счастлив”. Между тем в начале XIX века употреблялись обе формы: “счастлѣв” и “сча́стлив”. Сейчас мы говорим “сча́стлив” — и, по-моему, потому, что так говорил Пушкин. А вот Тютчев говорил “счастлѣв”.

К тому же Тютчев, при его величайшей чуткости к слову, не мог в одном четверостишии употребить дважды слово с одним и тем же корнем: “блажен” и “благие”.

Но главное — мне хотелось издать эту книгу так, чтобы слово “Бог” стояло в ней с большой буквы. И это была первая книга после 1917 года, где слово “Бог” и все производные от него были напечатаны с большой буквы. Вот, например, одно очень короткое стихотворение:

*Всё отнял у меня казнящий Бог:
Здоровье, силу воли, воздух, сон,
Одну тебя при мне оставил Он,
Чтоб я Ему ещё молиться мог.*

Здесь и “Бог”, и “Он”, и “Ему” напечатаны с большой буквы.

Но как это было возможно тогда, в 1976 году? (Солженицын, кстати, сказал, что он не вернется в эту страну, пока слово “КГБ” будет писаться с большой буквы, а “Бог” с маленькой.)

Мне пришлось беседовать с цензором. Не знаю, как сейчас, сейчас считается, что цензуры нет — я, правда, в этом не уверен, но в последнее время пока не сталкивался — а тогда в каждом издательстве сидел цензор. На меня очень долго давил редактор, наконец убедил, и я явился пред очи женщины, ведавшей цензурой, и говорю ей: “Задача моя вовсе не в том, чтобы дразнить кого-то словом “Бог”, дело в том, что у Тютчева есть два стихотворения, в которых совершенно исказится смысл, если слово “Бог” написать с маленькой буквы. Это, во-первых, стихотворение “Неман” о вторжении Наполеона в Россию. В этом стихотворении слово “Бог” употребляется дважды:

*Один лишь раз по воле Бога,
Ты супостата к ней впустил —
И целость русского порога
Ты тем навеки утвердил...
.....
И с высоты, как некий бог,
Казалось, он парил над ними
И двигал всем и всё стерёг
Очами чудными своими...*

Во втором случае слово “бог” совершенно недопустимо писать с большой буквы, потому что оно употреблено в значении “идол”, именно как “некий бог” (разве мог Тютчев про Господа Бога Вседержителя сказать “некий?”). И я сказал этой женщине: “Разве можем мы напечатать слово “бог” одинаково в обоих местах и приравнять тем самым Богу Наполеона — врага и супостата? И второе искажение, еще более печальное, в стихотворении на смерть Пушкина:

*Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он Высшею рукою
В цареубийцы заклеимён.
.....
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..*

Если “Высший” не поставить, как полагается, с большой буквы, то что это за высшая рука — царя, что ли? А “Тот”, если написать его с маленькой буквы, Дантес? И представьте себе, эта женщина согласилась со мной и взяла на себя эту ответственность, а так как в двух стихотворениях было разрешено печатать слово “Бог” с большой буквы, то в остальных уже никто особо не придирался. И вот в 1976 году вышла книга, где впервые в истории советского книгоиздательства слово “Бог” было написано правильно. Причем правильно не в том, что все перед ним стоят на коленях, а в том, что он единственен, и если есть еще разные мелкие боги, то когда мы говорим о Боге христианском, то говорим об единственном существе.

И, если вернуться к тому, с чего я начал, мне хотелось поставить на свою полку книгу стихотворений Тютчева с верными последними вариантами тютчевских текстов и с правильной орфографией.

Сейчас много разговоров идет о том, чтобы устранить государственную монополию, преобразовать государственные издательства в кооперативные, частные и т. д. Моя практика (а я издал более сорока книг, еще пять находятся сейчас в производстве) заставляет усомниться в правильности такого под-

хода, и могу сослаться также на известного писателя Станислава Лема, равно широко печатавшегося и на Западе, и на Востоке. В интервью газете “Книжное обозрение”, отвечая на вопрос о состоянии книгоиздательского дела в капиталистических и социалистических странах, он ответил весьма определенно, что есть достоинства в капиталистической издательской системе, есть серьезные недостатки в социалистической, но если говорить о настоящей литературе, а не о развлекательном чтиве, то для нее гораздо лучше именно социалистические порядки.

Чем это можно аргументировать? Из тех, кто кричит сейчас о денационализации книгопечатания, многие просто не имеют представления о существовании проблемы. Мало кто знает, что практически все научные книги убыточны, и издаются они на Западе либо на деньги благотворительных фондов, либо на государственные средства. Например, все учебники в Америке выходят за государственный счет. Поскольку их нельзя сделать слишком дорогими, и к тому же они часто меняются, государство берет на себе эту обузу. И что самое любопытное — крупнейшие частные издательства на 30–40 процентов обеспечивают свою прибыль, выпуская учебники по государственным заказам. Многие ценнейшие книги, которыми гордится человечество, выходят на Западе только благодаря энтузиазму тех или иных бескорыстных людей. В Японии, например, вышло восьмитомное собрание сочинений М. М. Бахтина, и японский издатель с гордостью рассказывал мне, что оно было убыточным, но он рад тому, что сделал нужное, благородное дело. И я, многие годы издавая книги практически на голом энтузиазме, сейчас, после отмены института цензуры, твердо могу сказать, что при таких условиях государственная система книгоиздательства неизмеримо лучше частной. Я ни в коем случае не занимаюсь сейчас реабилитацией социализма или чего бы то ни было, я говорю лишь об этой конкретной проблеме.

За все годы моей работы никто никогда не ставил меня перед вопросом, окупится ли выпускаемая мною книга и кто будет ее покупать. И несмотря на это, все выпущенные мною книги — я очень горжусь — стали библиографической редкостью, хотя некоторые из них вышли тиражом по 200 тысяч, а тираж еще одной — сборника “Страницы современной лирики”, куда вошли стихи двенадцати лучших поэтов моего поколения, — в общей сложности составил 370 тысяч экземпляров. Я нарочно издал эту книгу в издательстве “Детская литература”. Правда, ряд стихотворений, примерно 30 из 300, пришлось снять, например, наиболее откровенные стихи о любви, поскольку книга была адресована юношеству. Но там действительно собраны лучшие творения поэтов, родившихся в тридцатые годы, и мне особенно лестно было то, что Московская патриархия рекомендовала эту книгу священникам в качестве высоко нравственного чтения. И разве не удивительно то, что в 80-м застойном году вышла книга, содержащая такое, например, стихотворение Глеба Горбовского:

*Возвращение в дом, под родное крыло —
неизбывная тема российских поэтов.
Возвращаюсь и я, оставляю седло.
Натыкаюсь на серую руку соседа.
Открываю ударом забитую дверь.
Опускаюсь на тёмную лавку вдоль окон.
Из-под печки доверчиво выбежал зверь, —
здравствуй, добрая мышка, и ты одинока?
С голосистым ведёрком иду за водой,
раздуваю живительный жар в самоваре...
На стене фотография: дед молодой,
молодой, принаряженный дедушка-парень.
...На кого он похож? На царя? На меня?
Где мы с ним разминулись
среди белого дня?⁶*

Или стихотворение Василия Казанцева, которым русская поэзия, можно сказать, откликнулась на вторжение в Чехословакию в 68-м году.

*Как по деревне танки шли!
Как клацали, как грохотали
Плывущие поверх земли
Зазубренные глыбы стали.*

*Они не шли во весь опор —
Им узкий коридор был тесен.
Но как могуч был их напор,
Как непреклонен, как железен.*

*Ровня жёсткие строи
В сгущающемся напряженье,
Шли не чужие, шли свои.
И не на битву — на ученье.*

*Избушки, сбившиеся в ряд
Пред медленным железным рядом,
Пугливо сжались. Дрогнул взгляд
Под медленным железным взглядом.*

*К земле прирос... Ну что же вы,
Как виноватые стоите,
Поднять не смея головы?
Кричите же “ура”, кричите!*

У меня много друзей в Чехословакии, но после 68-го года я ни разу там не был, мне не хочется там бывать, хотя хочется, чтобы это стихотворение они знали. Оно написано тогда же, в 68-м, хотя датировано 1967 годом, чтобы пройти цензуру.

Или впервые опубликованное стихотворение Станислава Куняева о том, как арестовали его мать. Герой стихотворения, десятилетний ребенок, не понимает происходящего, и его больше всего восхищают “кони НКВД”, мощные кони, увозящие мать. “Кони НКВД” напечатать было нельзя, и я заменил их на “кони страны НИГДЕ”, так что многие могли догадаться, о чем идет речь.

*Мчатся кони НКВД.
Воет вьюга в тылу глубоко,
плачут вдовы в селе убогом...
Где же было всё это? Где?
Погрохатывает война
за далёкими за лесами,
по дороге несутся сани,
мутно небо и ночь мутна.*

Здесь поэт замечательно использовал строчку из пушкинских “Бесов”, обозначив все это время.

И этой книги, несмотря на трехсоттысячный тираж, я не видел в магазинах. Не могу не сказать еще об одной книге, которую считаю очень ценной. Это выпущенный в прошлом году с большой помощью Евгения Ивановича Осетрова выпуск “Альманаха библиофила” под названием “Тысячелетие русской письменной культуры”⁷. Выпуск в основном посвящен великому памятнику древнерусской литературы “Слову о законе и благодати” митрополита Илариона. Оно было создано на полтора века раньше “Слова о полку Игореве”, и если уступает по своей художественной силе, то по глубине и высоте мысли, несомненно, превосходит. Поразительно то, что в последний раз это творение было издано в 1844 году. После этого и до выхода “Альманаха библиофила” было лишь два ротاپринтных издания и публикация в “Богословских трудах”, недоступные для широкого читателя. И вот с огромными трудностями мы выпустили “Слово о законе и благодати” пятидесятитысячным тиражом, в ярком переводе⁸ — произведение, которому в прошлом году исполнилось 940 лет, из которого, как из зерна, выросла вся русская литература: здесь можно найти и мотивы Пушкина, и мотивы Достоевского, и мотивы Блока.

Текст сопровождается комментариями и таких известных ученых, как Д. С. Лихачев, и совсем молодых исследователей⁹. В отличие от других выпусков “Альманаха библиофила”, этот том не залежался на прилавках, его можно было выпустить даже двухсоттысячным тиражом. Впрочем, издательство “Художественная литература” начинает сейчас выпуск довольно необычной серии под названием “Логос” (т. е. “Слово”), куда войдут произведения художественно-философской литературы. Сейчас готовятся к изданию первые две книги: творения великого византийского философа и богослова Иоанна Златоуста и “Словеса святых пророков” — книга, содержание которой поясняет ее подзаголовок: “Русская философско-художественная литература домонгольской эпохи” (т. е. до середины XIII в.). Естественно, там будет перепечатано и “Слово о законе и благодати”. Но и помимо него, как ни странно, от этой эпохи нам досталось богатое наследие: объем книги составит около 30 авторских листов. Причем ни одно из произведений, которые я готовлю к изданию в этой книге, не вошло в 12-томную серию “Памятники литературы Древней Руси” того же издательства. А среди них такие шедевры, как “Толковая Палея”, “Словеса святых пророков”, давшее название всей книге, “Житие святого Кирилла”, издававшееся ранее, но очень маленьким тиражом¹⁰.

Еще одна книга, которую мы готовили с Евгением Ивановичем, а также с молодым, но уже известным писателем П. Паламарчуком, сборник статей о Гоголе, является своего рода переломной книгой: в ней впервые опровергается одностороннее и искаженное представление о Гоголе как о чистом сатирике. Причем впервые не за годы господства догматического марксизма, а за всю историю гоголеведения.

Белинский по прочтении “Мертвых душ” написал: “Нельзя ошибочнее смотреть на “Мертвые души” и грубее их понимать, как видя в них сатиру”. Но потом, не желая согласиться со статьей славянофила К. Аксакова, начал писать нечто другое. В письме своему другу и ученику Кавелину он признавался, что кривит душой: “Вы правильно говорите о том, что Гоголь не сатирик, но лучше об этом умолчать”. Видимо, некая политическая идея увлекла его настолько, что он готов был пожертвовать объективностью. Целый ряд статей в нашей книге раскрывают истинную природу творчества Гоголя, отличающуюся ренессансной полнотой, когда сатира присутствует лишь как одна из стихий, рядом с которой обязательно есть нечто противоположное. Гоголь беспощаден как сатирик, но вместе с тем он превосходит всех русских писателей по своей апофеозности: вспомним лирические отступления в “Мертвых душах” — о тройке, о русской песне — более одического стиля вы не найдете нигде. Гоголь дает пример самого органического соединения сатиры и оды, и если представлять его лишь как сатирика, все распадается.

Книга вышла в 85-м году, но готовилась в застойные годы, и издательство все-таки заставило включить туда статьи, содержащие именно такой подход. Иначе книги просто не было бы. Более того: пришлось снять одну из лучших работ — статью П. Паламарчука. Получилось как в известной русской сказке о том, как солдат варил суп из топора: топор как раз и не уварился. Статья Паламарчука вышла за границей, скоро она будет опубликована и у нас в его авторской книжке¹¹.

Тем не менее сборник получился очень интересный. Сейчас мы готовим второй подобный ему сборник статей о Гоголе. В нем мы стараемся идти дальше: опять-таки впервые, например, открыто говорится об “Избранных местах из переписки с друзьями” как о вершине творчества Гоголя¹².

Самый знаменитый специалист и единственный вершитель гоголевской судьбы, покойный академик Михаил Борисович Храпченко сказал: “Ну что же, издали. Я ее буду критиковать. Будьте мне за это благодарны, потому что в другое время вас за это наверняка бы арестовали”.

Раз уж мы вспомнили Храпченко, то хотелось бы привести еще и такой случай: однажды он опубликовал статью, в которой выступил в том смысле, что мы ценим, конечно, прелестные стихи Фета, но кому сейчас придет в голову публиковать его монархические мемуары? Я разозлился и издал в Воронеже (потому что в Москве был Храпченко) избранные места из мемуаров Фета, не издававшихся до этого около ста лет, интересные не только в качестве новой информации о большом поэте, но и как изумительно написанная проза. Это было в семьдесят восьмом году¹³.

Причем моя задача заключалась не только в том, чтобы напечатать мемуары. Дело в том, что в свое время Фет был безобразно отредактирован Тур-

гневным и так всегда и издавался. Я не хотел бы сказать, что плохо отношусь к Тургеневу, но была у него такая странная страсть — редактировать поэтов. Я уже говорил в этой связи о Тютчеве — подлинный Тютчев стал нам доступен не более полувека назад. А что касается Фета, то мое воронежское издание, включившее лучшие стихи, стало первым, в котором отсутствовала тургеневская редакция. Почему Фет соглашался с правкой? До нас дошли его слова, написанные по выходе очередного его сборника под редакцией Тургенева: “Счастлив художник, способный исправлять свои произведения согласно указаниям знатоков. Но и тут есть известные границы и опасности. Вот что называется написать картину. Это случалось даже с изданиями Тютчева, где алмазные стихи заменены сразу же”. Тут Фет имеет в виду именно тургеневскую правку. А о своей книжке он сказал так: “Издание под редакцией Тургенева вышло настолько же очищенным, насколько изуверченным”. Слово “очищенным” употреблено здесь явно в ироническом смысле, потому что Тургенев всё время повторял, что он “очищает” от каких-то “грехов” стихи Фета.

Приведу один пример. Вот знаменитое фетовское стихотворение в восстановленной авторской редакции:

ДАЛЬ

*Облаком волнистым
Прах встаёт вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!*

*Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далёкий,
Вспомни обо мне!*

Тургенев внес в него всего две поправки: снял название и заменил одно слово. Убрав название “Даль”, представавшее как категория человеческого мироощущения, он лишил стихотворение внутреннего философского настроения, превратил в прелестный этюдик. А архаическое слово “прах” из-за нелюбви к любой архаике заменил словом “пыль”: каждому должно быть понятно, как ужасно и ничем не оправдано повторение слова пыль в двух соседних строках, и как сильно чисто фонетически проигрывает “пыль” перед словом-взрывом “прах”, и насколько разные рисуются картины...

После Воронежа я издал эту же книгу в издательстве “Современник”¹⁴, сделав еще одну важную вещь. Дело в том, что у нас установилась традиция печатать лишь те портреты некоторых писателей, где они запечатлены в состоянии агонии. Чехов, например, богатырского роста, огромной физической силы, и, между прочим, несмотря на близорукость, до последних лет не носил ни очков, ни пенсне. Тем не менее он вошел в сознание людей, как полумертвый человек в последней стадии туберкулеза. И Фет в большинстве изданий изображен в ту пору, когда его стали одолевать тяжелые недуги, в частности, тяжелейшая болезнь глаз. А между тем он был самым красивым из русских поэтов. И когда смотришь на этого разжиревшего (от того, что он не мог ходить), с распухшими веками человека, трудно поверить, что он мог писать такие прекрасные стихи, что у него могла быть трагическая любовь, из-за которой женщина, которая не могла с ним соединиться, покончила с собой¹⁵. Книга издательства “Современник” вышла с портретом Фета — тридцатипятилетнего красавца-офицера.

Кстати, в ходе работы над этой книгой я запросил своего знакомого западногерманского русиста, и мне прислали точнейшие данные из кронштадтского архива, касающиеся происхождения Фета. Эти данные приведены в книге, и теперь ясно, что, несмотря на все сплетни и легенды, он был сыном Шеншина. Шеншин, как ясно из его фамилии, был татарин по происхождению, и в нашем портрете Фета явственно проступают татарские черты. Так что Фет не был сыном Иоганна Фёта, хотя, если бы он был им, как следует из присланных мне материалов, то был бы сводным братом супруге Александра II и двоюродным дедушкой супруге Николая II Александре Федоровне, по-

скольку немецкий чиновник Иоганн Фёт был побочным сыном герцога Дармштадтского¹⁶.

Что касается современных авторов, то книжка Рубцова, изданная мной, была не первой, но все предыдущие казались мне недостойными памяти поэта. Эта книжка вышла довольно большим тиражом — 150 тыс. экз. и в престижной серии “Поэтическая Россия”¹⁷, и была первой, составленной с текстологической точки зрения: например, были восстановлены многие цензурные изъятия¹⁸. Я издал первое “Избранное” Алексея Прасолова¹⁹, к сожалению, до сих пор малоизвестного, но являющегося одним из крупнейших русских поэтов шестидесятых годов. При жизни у него вышло несколько маленьких книжек, но после его самоубийства на него был наложен запрет, так как он оставил записку, которую истолковали политически: “Не могу разорвать ложь, не могу дальше жить во лжи”. На самом деле политического смысла записка не содержала, но книжку я издал с огромным трудом, и, кажется, лишь благодаря тому, что тогдашний председатель Госкомиздата Стукалин когда-то работал в районной газете в городке Россошь, где родился и вырос Прасолов, и первым опубликовал в этой газете стихи молодого поэта в 1949 году. Я узнал об этом, пробился к нему на прием, и только после этого книга пошла.

Сейчас в издательстве “Детская литература” я готовлю сборник “Русские писатели о Родине”²⁰. Тираж предполагается очень большой — 300 тысяч экземпляров. Последний подобный сборник, на мой взгляд, очень плохой, вышел в 1942 году. Наш сборник преследует четко обозначенную цель: наряду с патриотически-апофеозными высказываниями дать всю национальную самокритику, столь присущую лучшим русским писателям от Пушкина до Шукшина. Вот, например, Пушкин: “Черт меня догадал родиться в России с умом и талантом”. Есть также самые резкие высказывания Достоевского о русском характере. Только вялая, слабая любовь к Родине боится жестких слов. Я уверен, что человек сказавший “черт меня догадал родиться в России с умом и талантом”, никогда ей не изменит.

Следующая книга, которая пополнит эту серию, — “Русские мыслители о Родине”. Она будет составлена из высказываний пятидесяти русских мыслителей, многие из которых совершенно забыты. В нашей нынешней эйфории мы бросились печатать всех, кого раньше печатать было нельзя, что и является зачастую единственным критерием. Но ведь есть определенная иерархия: никому не придет, наверное, в голову ставить в один ряд Бунина и Арцибашева. Но зато нередко можно увидеть через запятую написанные фамилии С. Булгакова и Д. Мережковского. Мережковский как мыслитель был вполне заурядной личностью, хотя, нужно отдать ему должное, трудолюбивым и образованным человеком. Но философ — это тот, кто говорит что-то, а не о чем-то. То же самое касается Розанова и Бердяева. Розанов был по-своему противоречив, по-своему амбивалентен, но, как прекрасно выразился его биограф Голлербах, Розанов был не двуличен — он был двулик. А Бердяев был просто не уверенный ни в чем (даже в том, что он сам говорил) человек, у которого можно найти самые противоположные, самые несовместимые друг с другом высказывания. Допустим, выражая в “Философии неравенства” некоторые симпатии к фашизму, он в то же время мог говорить, что если уж выбирать между фашизмом и коммунизмом, то коммунизм лучше. Или его знаменитое, лично мне непонятно почему, рассуждение о том, что III Интернационал — это продолжение идеи Третьего Рима. Кроме часто встречающейся цифры три, между ними нет ничего общего. Идея Третьего Рима, которая не была, между прочим, взята на вооружение ни одним из русских царей, — это идея изоляционистская, подразумевающая отмежевание от впадших в грех народов, начиная с греков, подчинившихся туркам, исключаящую какую бы то ни было экспансию, поскольку выйти за пределы своей страны означало оскорбиться. А идея III Интернационала — прежде всего экспансионистская идея, имеющая конечной целью мировую революцию. Более нелепого сопоставления трудно было придумать, но Бердяев ухитрился целую книгу на нем построить.

При этом есть русские мыслители, которые сейчас совершенно забыты, а между тем, может быть, именно они в данный момент нам особенно нужны. Например, такие, как Платонов, или Величко, чья книга “Русское дело на Кавказе”, вышла сейчас, но не в Москве, а... в Баку. Эта книга, написанная еще в прошлом веке, находит пути разрешения кавказского конфликта.

Мне хотелось бы, чтобы сборник “Русские мыслители о Родине” был, если угодно, антимодным, чтобы вместо того, что уже навязло в зубах, прозвучали гораздо более серьезные и глубокие вещи.

С молодым поэтом Михаилом Грозовским мы подготовили интересную, на мой взгляд, антологию “Гордость и горечь”, включившую стихи о войне, написанные за последние двадцать лет²¹. Эти стихи не получили широкой известности, но многие из них гораздо правдивее, подчас даже натуралистичнее, и гораздо глубже говорят о той страшной войне, чем многие, ставшие знаменитыми и хрестоматийными, написанные в первые годы после Победы. Кроме того, в книгу вошли и стихи об афганской войне.

И последняя книга, о которой я хочу сказать и которая мне особенно дорога, — “Вершины русской лирики XIX века”, запущенная в производство в издательстве “Современник”²². Эта книга проходила труднее всех. Заявку на нее я подал восемь лет назад. Три раза издательство отвергало ее по самым разным соображениям. Например, мне передают мнение директора: нужно включить стихотворение Пушкина “Деревня”. Я отвечаю: конечно, не включу. Юношеское, написанное в девятнадцать лет, жалкое либеральное стихотворение, где Пушкин мечтает только о том, чтобы рабство упало по манию царя — зачем его включать в антологию вершин русской лирики?

Казалось бы: классика — и лишь в прошлом году дело сдвинулось с мертвой точки. Может быть, в чем-то эти люди были правы. В книгу включены стихи всего лишь семи поэтов, и я старался как можно более убедительно показать, что только семь поэтов XIX века были подлинно великими, если вкладывать в понятие величия глубину и мощь поэтического смысла и совершенства. Например, такие поэты, как Ф. Глинка или К. Случевский, обладая невероятной поэтической мощью, не сумели воплотить ее в совершенном, чеканном виде — стихи их несовершенны. А с другой стороны, были поэты, чьи стихи обладают поэтическим совершенством, но не несут в себе той мощи (Полонский, Апухтин).

В результате в сборнике оказалось только семь поэтов, но самое интересное, что стихи-то вошли не те. За годы работы над книгой я проверял и перепроверял себя на многих людях, на поэтах, на литературоведах, и убедился в том, что никто из великих русских поэтов, за исключением Лермонтова, в своих высших, самых зрелых творениях нам не известен.

Я прочту несколько стихотворений из этой книги.

*Как с древа сорвался предатель ученик,
Дьявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Приняли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И Сатана, привстав, с веселием на лице
Лобзанием своим насквозь прожѣг уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.*

Или другое стихотворение, о любви.

*Её глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звёзды;
Дыханья нет из уст её, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
Томительно и сладко: в летний зной
Холодный мёд не столько сладок жажде...
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегаёт
Мне голову, и сердце громко бьётся,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,*

*Хочу стонать и пить её лобзанье.
А речь её... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майский шум небес,
Иль звонкие Бояна Славьи гусли.*

Из десятков писателей, поэтов и литературоведов, которым я читал эти стихи, большинство не знали шедевры, написанные Пушкиным в зрелые годы. Люди знают в основном его стихи, написанные до 1826 года, тогда как Пушкин действительно великим поэтом стал именно к концу двадцатых годов.

Но с самой неожиданной стороны предстает в антологии Некрасов. Однажды я дарил свою книгу бесконечно мною уважаемому Олегу Васильевичу Волкову, и он просматривая ее, вдруг воскликнул: “Как?! Вы пишете о Некрасове? Ведь это же посредственный поэт!” Я даже задохнулся... Но не стал ругаться: человек, 27 лет проведший в лагерях и тюрьмах, действительно мог не иметь времени читать Некрасова. Некрасов – замечательный поэт, но совсем не тот, каким его преподают в школе. Некрасов – самый религиозный и самый христианский русский поэт. Кроме того, он самый пророческий поэт: то, что он писал о крестьянстве, относилось к крестьянству не 70–80-х годов прошлого века, а 20–36 годов нынешнего. Некрасов, прошу прощения за резкость, писал много халтуры: ему надо было заполнять журнал, выполнять “социальный заказ”. Но были у него творения, созданные наедине с собой и Богом, никому не известные, но ставящие его в ряд величайших русских поэтов.

1990

¹ Историю своего открытия трудов М. М. Бахтина и своей борьбы за издание его книг В. В. Кожин описал в следующих статьях и беседах: “Так это было...”. Беседа П. Акимов с В. Кожинным (Дон, 1988, № 10); “Как пишут труды, или Происхождение несозданного авантюрного романа” (Вадим Кожин рассказывает о судьбе и личности М. М. Бахтина). (Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 1992, № 1. Беседа Н. Панькова с В. Кожинным); “Бахтин и его читатели. Размышления и отчасти воспоминания” (Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, № 2-3, 1993); Об одном “обстоятельстве” жизни М. М. Бахтина (Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 1995, № 1); “Куда девалась рукопись М. М. Бахтина?” (Москва, № 10, 1997)

² Л. А. Шубин был “отодвинут” от редактирования книги М. М. Бахтина “Проблемы поэтики Достоевского”, о чём сам Кожин написал М. М. Бахтину в письме от 11.10.1963: “Очень благодарил Вас Л. А. Шубин. Вы, быть может, не представляете, как много он сделал для “проталкивания” книги. Он так воевал, что, в конце концов, его отставили от её редактирования и решили взять редактора со стороны...” В результате редактором книги стал С. Г. Бочаров. Об этой истории, а также об истории взаимоотношений Вадима Кожина с Витторио Страда – см. также: Н. А. Паньков. “В поисках утраченного времени”. М. М. Бахтин и В. В. Кожин на фоне 1960-х... (Диалог. Карнавал. Хронотоп. – Витебск, 2000, № 3-4).

³ Шесть поэтов (кроме Тютчева), представленные в этой книге – Пётр Вяземский, Фёдор Глинка, Алексей Хомяков, Степан Шевырёв, Лукьян Якубович, Владимир Бенедиктов. Соавтором В. В. Кожина в составлении этой книги, автором примечаний и статей об отдельных поэтах была моя сокурсница на филологическом факультете МГУ Елена Владимировна Кузнецова (Воропаева), к сожалению, рано ушедшая из жизни. В последние годы она занималась изучением творчества Бориса Зайцева.

⁴ Имеется в виду стихотворение С. П. Шевырёва “Соловецкая обитель”, написанное 7 июля 1854 года.

⁵ Имеется в виду книга: Ф. Тютчев. Стихотворения. М., “Советская Россия”, 1976.

⁶ Это стихотворение Г. Я. Горбовского печаталось в его книгах “Тишина” (Л., 1968) и “Монолог” (М., 1975) без последнего двустишия.

⁷ Е. И. Осетров был главным редактором периодически издававшегося “Альманаха библиофила”. Речь идёт о 26-м выпуске альманаха, составителями которого были В. В. Кожин и П. Г. Горелов.

- ⁸ “Слово о законе и благодати” митрополита Илариона было опубликовано (параллельно с древнерусским текстом памятника) в переводе Виктора Дерягина с комментариями Виктора Дерягина и Алексея Светозарского.
- ⁹ Публикацию “Слова о законе и благодати” предваряли статьи Вадима Кожинова (“Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи”), Дмитрия Лихачёва (“Слово о законе и благодати” Илариона), Гелиана Прохорова (“Прошлое и вечность в культуре Киевской Руси”), Вилена Горского (“Образ истории в “Слове о законе и благодати”), Анатолия Макарова (“Нравственные воззрения Илариона Киевского”), Николая Розова (“Иларион и первые русские летописи”), Владимира Колесова (“Умное слово в “Слове” Илариона Киевского”), Владимира Милькова (“Слово о законе и благодати” Илариона и теория “казней божих”), а также Николая Кормина, Татьяны Любимовой и Натальи Пилюгиной (“Характер философского мышления Илариона в “Слове о законе и благодати”).
- ¹⁰ Эти издания не были осуществлены.
- ¹¹ В сборнике “Гоголь: история и современность” (М., “Советская Россия”, 1985) была опубликована статья П. Г. Паламарчука “Список уцелевших от сожжения рукописей Гоголя”. Работа “Ключ к Гоголю” вышла в Лондоне в 1985 году под псевдонимом “В. Д. Носов”. В России она была издана в 2009 году (СПб, “Астрель”).
- ¹² Это издание не осуществилось.
- ¹³ А. А. Фет. “Ранние годы моей жизни” (Фрагменты из воспоминаний А. А. Фета): А. А. Фет. Стихотворения (Воронеж, 1978).
- ¹⁴ А. А. Фет. Стихотворения. М., “Современник”, 1981.
- ¹⁵ В примечаниях к мемуарам А. А. Фета сам В. В. Кожинов опровергал версию о “самоубийстве” Марии Лазич: “Во многих работах о Фете бездоказательно утверждается, что гибель Марии Лазич была не трагической случайностью, а самоубийством или “замаскированным самоубийством”. Правда, версия эта даётся в плане предположения (“возможно”, “некоторые считали” и т. п.), но тем не менее она утвердилась в сознании многих читателей. Между тем никаких реальных оснований для этой версии нет. Она возникла исключительно “на почве” тех традиционных “обвинений”, которые предъявляются Фету, и – в не меньшей мере – на основе собственных беспощадных приговоров самому себе в ряде стихотворений, связанных с Марией Лазич... Сплетня о самоубийстве (иначе трудно квалифицировать разбираемую версию) совершенно рассыпается, если вдуматься в подробности гибели Марии Лазич, переданные Фетом со слов близкого друга семьи Лазич (следует учитывать, что к моменту создания книги Фета были живы многие свидетели драмы, которые могли выступить с опровержениями)”.
- ¹⁶ Об этом см. страницы из предисловия В. В. Кожинова к упоминаемой книге – “... Просиял над целым мирозданьем” (стр. 11–14).
- ¹⁷ Ошибка памяти. Сборник стихотворений Николая Рубцова вышел в 1983 году в серии “Сельская библиотека Нечерноземья”.
- ¹⁸ В частности, это касается стихотворений “Грани”, “Прощальная песня”, “В старом парке”.
- ¹⁹ Алексей Прасолов. Стихотворения. Составители Вадим Кожинов и Инна Ростовцева. М., “Советская Россия”, 1983.
- ²⁰ Это издание, как и следующее, не осуществилось.
- ²¹ Гордость и горечь (Стихи 1970–1980-х о Великой Отечественной войне). М., “Советская Россия”, 1990.
- ²² Эта книга вышла в издательстве “Эксмо-пресс” лишь в 1999 году тиражом 7000 экземпляров. В книгу вошли подборки стихотворений А. Пушкина, Е. Боратынского, Ф. Тютчева, А. Кольцова, М. Лермонтова, А. Фета, Н. Некрасова.

О круге чтения последних лет

В своих читательских интересах я сегодня вряд ли оригинален: в центре моего внимания, как и у многих – вероятно, сотен тысяч или даже миллионов читателей, – книги и статьи об отечественной истории.

Говорить обо всем, что в последнее время прочитано, читается и, возможно, будет читаться – немислимо. Скажу лишь об одной части читанных и читаемых книг – книгах о первых веках (VIII–XI вв.) отечественной истории. В определенном смысле знание и понимание начала наиболее важно, ибо

в нем, как в зерне, как в семени содержится все последующее. В те или иные эпохи развития России (скажем, в периоды стабильного бытия, или, напротив, в периоды резких сдвигов) на первый план выступают отдельные стороны ее целостной природы. Но в начале истории (как это показывает изучение любого развивающегося организма) можно как бы сразу всмотреться во все многообразные черты страны – пусть и в их неразвернутом до конца виде. И я встречал за последнее время немало людей – притом, самых различных и по своей профессии, и по духовному складу, – которых более всего интересовало именно начало отечественной истории.

Большинство из них вчитывается в первые тома Карамзина, Соловьева и Ключевского – благо, эти тома, хотя и с немалыми трудностями, все же удается сегодня “достать”. И это, конечно, полезные или даже необходимые книги.

Но нельзя не напомнить, что самой “новой” из этих книг – первому тому курса Ключевского – исполнилось уже около девяноста лет. А изучение русской истории, несмотря на тяжелейшие для этого дела 1920–1950-е годы, продолжалось. И многие историки занимались этим делом без всякого расчета на публикацию своих трудов, занимались в ссылках, в эмиграции и даже в ГУЛаге! Можно бы назвать десятки имен настоящих подвижников исторической науки.

И современный образ первых веков отечественной истории (хотя он, конечно, так или иначе вобрал в себя то, что воплощено в курсах Карамзина, Соловьева, Ключевского и других историков XIX – начала XX вв.) предстает существенно иным и, в частности, более многогранным и сложным.

Назову три книги: Л. Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. М., “Мысль”, 1989; А. Г. Кузьмин. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., “Молодая гвардия”, 1988 (книгу по-своему подготовило предшествующее скрупулезное исследование А. Г. Кузьмина – Начальные этапы древнерусского летописания. М., изд-во МГУ, 1977); Д. А. Мачинский. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности.

Правда, книга Д. А. Мачинского еще не стала книгой в прямом смысле слова. Я привел название одной из десятка замечательных статей этого историка, опубликованных в 1980-х годах, – опубликованных, к сожалению, в очень малотиражных сборниках (см., например, сб.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., “Наука”, 1981; Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., Изд-во ЛГУ, 1984; Археологические исследования новгородской земли. Л., Изд-во ЛГУ, 1984; Материалы к этнической истории Северо-Востока. Сыктывкар, 1985; Русский Север. Л., “Наука”, 1986; Балканы в контексте Средиземноморья. М., “Наука”, 1986; Археологический сборник. 29. Л., “Искусство”, 1988; Культура Русского Севера. Л., “Наука”, 1988 и др.). Но я полагаю, что книга Д. А. Мачинского должна быть и будет издана¹.

Итак, три книги, посвященные первым векам отечественной истории (правда, рамки обширного – почти полсотни авторских листов – трактата Л. Н. Гумилева шире: “действие” в нем доведено до середины XV века). Они очень разные, эти книги. И известно, например, что А. Г. Кузьмин крайне критически относится к трудам Л. Н. Гумилева (хотя последний не раз сочувственно ссылается на работы А. Г. Кузьмина)², а вся работа Д. А. Мачинского движется в особенном русле, где историография нераздельно сплетена с археологией.

Должен признаться, что сам я не разделяю многих общих методологических идей Л. Н. Гумилева, а также не согласен и со множеством отдельных его суждений и выводов. Но тем не менее я убежден, что долгожданное издание его книги (она была закончена почти десять лет назад и мне посчастливилось тогда же познакомиться с ней в рукописи) – настоящее событие. Его книга принадлежит к тем очень и очень немногим книгам, где история Руси, во-первых, предстает как история страны, которая с самого начала была многонациональной, а во-вторых, история эта раскрывается в контексте, в неразрывном единстве с историей всего мира (не считая, понятно, еще не открытого в изучаемую эпоху Нового Света).

Повторю еще раз: я вполне понимаю тех историков, которые не согласны с “биологически-космической” методологией Л. Н. Гумилева. Но методология

вообще очень “изменчивая” вещь. Были времена, когда историки целиком объясняли движение событий чисто личными желаниями царей и полководцев, или сменой общественных настроений, или же, напротив, самодовлеющим движением экономики и т. д. Однако мы, так сказать, отнюдь не перечеркиваем яркие и содержательные панорамы движения истории, созданные исследователями, опиравшимися на столь односторонние принципы.

И для меня истинная ценность книги Л. Н. Гумилева заключена не в ее, так сказать, методологической схеме, но в богатом конкретном образе исторического движения Руси в громадном мире, простирающемся от Испании до Китая и от Арктики до Индийского океана.

Можно (да и нужно) оспаривать те или иные черты созданного Л. Н. Гумилевым образа, но исключительно важно, что он есть, что нам представлен этот образ. Уверен, что во множестве читателей он пробудит глущий и глубокий интерес к отечественной истории.

1990

¹ Отдельной книгой работы Д. А. Мачинского не издавались.

² См., например, полемику Л. Н. Гумилёва и А. Г. Кузьмина: А. Кузьмин. “Пропеллер пассионарности, или Теория приватизации истории” (“Молодая гвардия” № 9, 1991). Л. Гумилёв. Что-то с памятью... (“День” № 1, 1992).

Письмо Вадима Кожина Николаю Бельчикову

15.12.65

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Фёдорович!

Примите сердечную благодарность за Ваше доброе письмо и очень ценный для меня подарок! Вся семья Владимира Владимировича присоединяет чувство глубокой признательности Вам за Ваше сочувствие горю, которое является и Вашим личным – горем первого учителя Владимира Владимировича¹.

Хочу сообщить Вам, что в тот самый день, 18 ноября, через 2 часа после смерти Владимира Владимировича родилась его внучка (то есть моя дочь) Александра. Он словно передал ей жизнь... Он умер, возвратившись из родительного дома, куда он ездил узнать о состоянии дочери (я отвёз её туда в час дня, в 5 часов Владимир Владимирович вернулся оттуда, почувствовал себя плохо и через 10 минут был уже мёртв – скорая помощь прибыла слишком поздно).

Так странно складывается иногда жизнь... Но что же делать? Надо думать о той, которой он передал жизнь.

С большим интересом изучил книгу, посвящённую Вашей деятельности². Мне были хорошо известны только основные Ваши работы, и я открыл для себя немало нового. В частности, меня очень заинтересовали работы “Тургенев и Вяземский”, “Достоевский и Тютчев”, “Приёмы изучения частных фондов”, и почему-то совсем не известная мне вышедшая под Вашей редакцией книга “Иностранные писатели о русской литературе” (Почему она описана по корректуре? Может быть, она просто не вышла в свет? Было бы очень жаль³.)

Ваша работа в целом сейчас особенно важна для меня в связи с тем, что я в ближайшее время, так сказать, меняю профессию. От теории литературы, которой я занимался более десяти лет, я перехожу к истории литературы в самом строгом смысле слова. Думаю, что это вполне закономерно и правильно. Выработав какой-то взгляд на природу искусства слова, я теперь надеюсь более или менее серьёзно потрудиться над изучением истории русской литературы. Сейчас меня более всего интересуют тридцатые годы XIX века (т. е. 1826–1840). Это одна из самых великих эпох в истории нашей культуры – эпоха зрелого Пушкина, Баратынского⁴, Гоголя, Лермонтова, Языкова, первой (и, лучшей, на мой взгляд) “половины” Тютчева, Владимира Одоевского, Ивана Киреевского (“дославянофильского”), Вяземского, Чаадаева, молодых Хомякова, Шевырёва, Погодина, эпоха Полежаева, Кольцова и т. д. и т. п.

И при всём том — эпоха почти неизученная (я берусь хотя бы это доказать), эпоха, которую приходится изучать **прежде всего*** по **архивным** материалам и затерянным в журналах и альманахах того времени публикациям.

Сейчас я приступаю к первой работе в этой области — “Проблема реализма в русской литературе (или даже шире — **культуре**) **тридцатых годов**”. Работа пишется для сборника, издающегося в ИМЛИ под ред(акцией) Н. Л. Степанова⁵.

Кроме того я пишу небольшую книжку популярного характера “Дочь Фёдора Толстого” — о забытой русской поэтессе Сарре Толстой, умершей в 1838 году, 17 лет отроду⁶. Белинский ставил её “Сочинения...”, изданные в 1839–40 гг. в один ряд со “Стихотворениями” Лермонтова... И в этом есть свой смысл. Я хочу **воскресить** — как призывал когда-то Н. Ф. Фёдоров — эту удивительную девушку.

Многое уже написано, но работа моя застопорилась из-за того, что я не могу найти ряда архивных материалов.

И вот в этой связи я осмеливаюсь обратиться к Вам за помощью. Не подумайте, что я делаю это, пользуясь прежде всего Вашим добрым ко мне отношением. Я обращаюсь к Вам как к крупнейшему авторитету в области архивного дела и источниковедения. К тому же, поверьте, я несколько не буду обижен, если Вы не сможете уделить времени для моего дела, ибо Ваша занятость и Ваш возраст могут просто помешать Вам им заняться.

Итак, дело заключается в следующем. Мне необходимы любые архивные материалы, связанные с жизнью и деятельностью графа **Фёдора Ивановича Толстого** (Американца) (1782–1846), его дочерей **Сарры Фёдоровны** (1821–1838) и **Прасковьи Фёдоровны** (1831–1882) (в замужестве **Перфильевой**, жены известного друга Л. Н. Толстого), его жены **Авдотьи Максимовны** (1796–1861) (урожд(ённой) Тугаевой), его сестры **Веры Ивановны** (1783–1879, в замужестве **Хлюстиной**), а также учителя и издателя сочинений Сарры Толстой **Михаила Николаевича Лихонина** (1802–1864), известного в своё время переводчика и стихотворца⁶.

Если бы можно было обнаружить какие-либо архивные материалы, связанные с этими лицами (мне это, несмотря на целый ряд попыток, не удаётся), я имел бы основание рассчитывать, что в этих материалах могут обнаружиться рукописи Сарры Толстой или какие-либо документы, свидетельства и т. д., проливающие свет на её жизнь и творчество (а также жизнь всей её семьи).

Нельзя не упомянуть здесь также о муже Прасковьи Фёдоровны, **Василии Степановиче Перфильеве** (1826–1890), который в 1878–1887 гг. был московским губернатором (он, кстати, послужил прототипом образа Стивы Облонского). П. Ф. и В. С. Перфильевы были доверенными лицами Л. Н. Толстого во время его женитьбы, а на свадьбе — посаженными матерью и отцом. П. Ф. Толстая-Перфильева написала роман “Графиня Инна”, который дал Толстому материал для “Войны и мира” (роман этот остался в рукописи; местопребывание рукописи неизвестно).

С семьёй Ф. И. Толстого была тесно связана и тётка Л. Н. Толстого **Александра Андреевна Толстая** (1817–1894).

Несмотря на сравнительное обилие имён, мои поиски пока безрезультатны. Я имел несколько писем Ф. И. Толстого в фонде **П. А. Вяземского** (может быть, там есть и ещё что-нибудь, но я не знаю как взяться...). Вообще у меня есть все основания думать, что мои неудачи обусловлены отсутствием опыта, чисто теоретическим знакомством с архивным делом.

(Замечу в скобках: к своему величайшему сожалению, я в своё время не сумел достать новое издание Вашего “Путеводителя” по ЦГАЛИ (том: “Литература”). Не знаете ли, где можно достать его сейчас? Затруднительно каждый раз ездить за ним в библиотеку).

Ну, я уже, конечно, утомил Вас своими вопросами. Ещё раз подчеркну: я ничуть не буду обижен, если Вы не сочтёте возможным помочь мне. Достаточно уже того, что Вы прочитаете такое длинное послание.

Ваш Вадим Кожинов.

Р. S. Вы начали своё учение во Владимире. Не знали ли Вы тогдашнего инспектора мужской гимназии Василия Андреевича Пузицкого? Это мой дед,

* Здесь и далее выделение автора (в оригиналах писем слова были подчеркнуты) — **С. К.**

отец моей матери. Ему принадлежит популярный в те годы учебник “Отечественная история”.

¹ Тесть В. В. Кожина В. В. Ермилов умер 18 ноября 1965 года.

² Н. Ф. Бельчиков. Библиография. Сост. Р. И. Кузьменко. М., 1965.

³ Эта книга неизвестна.

⁴ Тогда Кожин употребляет “традиционное” написание фамилии Боратынского. См. его статью “Легенды и факты: Заметки о Грибоедове, Боратынском, Есенине” (Русская литература 1975, № 4).

⁵ Очевидно, речь идёт о статье “К методологии истории русской литературы: (О реализме 30-х годов XIX века)”, опубликованной в ж. “Вопросы литературы” (1968, № 5).

⁶ Текст этой книги пока не обнаружен.

Письма Вадима Кожина Михаилу Бахтину

2.12.64

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

К величайшему сожалению поездка наша к вам откладывается из-за навалившихся дел. Но, я уверен, — ненадолго. Мы будем у вас около 10 октября.

Пока осмеливаюсь просить посмотреть мою статью о структурализме. Мне крайне важны Ваши замечания, Михаил Михайлович!

26 ноября состоялось обсуждение Вашего “Достоевского” в МГУ¹. Присутствовало более 300 человек. Выступало человек 15. Все, за исключением одного, оценили книгу очень высоко, хотя была и полемика по ряду проблем. Один противник — это... Переверзев. Да, да, тот самый. Ему только что исполнилось 80 лет. Говорил он так, будто на дворе 1929-й, а (не) 1964-й². Это было даже странноватое ощущение. С ним никто не полемизировал, его восприняли как некое атмосферное явление. Было даже жалко его. (Он, кстати, уже несколько лет пытается переиздать что-либо — я знаю об этом от А. А. Белкина, который помогает ему в этом, — но ничего не выходит. В самое последнее время только продвинулась в какой-то мере его маленькая книжка о Нарезном³).

Выступали и Бочаров, и Гачев, и я. Но подробно в письме не расскажешь. Отложу до встречи. Важно, что на обсуждении были представители из редакции Гослитиздата — они расскажут там об успехе.

Да, одно объяснение по поводу посылаемой статьи⁴. Она написана как ответ на статью семиотика И. Ревзина, помещаемую в том же номере “Вопросов литературы”. Статья, надо сказать, малосодержательная (И. Ревзин ругает в ней статью Палиевского⁵). Выслать её Вам я не имею возможности — в редакции один экз(емпляр). Но, как мне кажется, из моей статьи ясно, о чём идёт речь у Ревзина.

Примите самые добрые приветствия и пожелания. До скорой встречи!

Любящие Вас Вадим и Лена.

¹ Речь идёт о книге М. М. Бахтина “Проблемы поэтики Достоевского” (М., “Советский писатель”, 1963) — см. переписку В. В. Кожина и М. М. Бахтина (Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск — 2000, № 3-4). Кожин вспоминал об этом обсуждении (“В университете Абрам Александрович Белкин устроил обсуждение книги Бахтина, очень широкое... Огромная 6-я аудитория на Моховой. Собралось несколько сот человек. Это было вскоре после выхода книги...”) и о выступлении на нём В. Ф. Переверзева (“Где здесь социология, где здесь классовость!? О какой вообще концепции здесь может идти речь!?”) — (Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1994 № 1).

² В. Ф. Переверзев в 1912 году издал книгу “Творчество Достоевского” (переиздана в 1928), где применял к творчеству писателя социологический метод, а стиль Достоевского выводил из психологии “упадочного мещанства”.

- ³ В 1933 году В. Ф. Переверзев выпустил “Избранные романы” В. Т. Нарезного со своей вступительной статьёй и примечаниями. “Книжка о Нарезном” издана не была. В 1965 году была переиздана его книга “У истоков русского реалистического романа” (первое издание – “У истоков русского реального романа” – вышло в 1937 году).
- ⁴ Речь идёт о статье В. К. “Возможна ли структурная поэтика?”, опубликованной в журнале “Вопросы литературы” (1965, № 6).
- ⁵ См. И. Ревзин. О целях структурного изучения художественного творчества (“Вопросы литературы”, 1965, № 6). См. также: П. Палиевский. О художественном произведении (“Вопросы литературы”, 1965, № 2).

26.1.65

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Долго откладывал письмо, т. к. ждал выяснения ряда дел. Так пока ничего толком не выяснилось, но я решил всё же написать Вам. Дела, собственно говоря, связаны прежде всего с “Рабле”¹. С. А. Лейбович² заболела, и всё остановилось. В “Лит. России” публикация откладывается³ (хотя статья принята и готова к набору) до съезда писателей РСФСР⁴ (ибо, во-первых, идут предсъездовские материалы, а, во-вторых, редакция, к(ото)рая будет отчитываться на съезде, боится опубликовать нечто необычное накануне; они там сейчас стараются делать газету так, чтобы вообще было не очень заметно, что она существует!).

Но это всё не так уж важно. “Рабле” уже имеет даже стоимость! На обложке № 1 “Вопрос(ов) лит(ерату)ры Вы можете прочесть, что Ваша книга о Рабле стоит 1 р. 42 к. ... Дороговато Вы берёте за книгу!

Конечно, Вы уже читали статьи Л. Шубина и Г. Поспелова⁵. Мне статья Шубина очень нравится, хотя в неё и пришлось вставить некоторые прагматические детали. Статья Поспелова ужасна, но, по-моему, не может повредить благодаря своему наукообразному тону. Меня особенно поразила его мысль о том, что “незавершённость” героев Достоевского объясняется тем, что в романах изображается не вся их жизнь... Это изумительно.

Очень хочется поговорить с Вами – в письме ничего не скажешь. Думают ли ещё ваши саранцы приглашать меня читать лекции?⁶ Очень было бы хорошо приехать в феврале-марте. Я постараюсь не особенно надоедать Вам...

У нас всё по-прежнему. В “Лит. России” от 29 янв(аря) будет, вероятно, статья Лены – по-моему, интересная⁷.

Напишите хотя бы несколько строк о здоровье и о работе над “Жанрами речи”⁸. Мы постоянно мечтаем о том времени, когда будет приведена в порядок главная работа...

Желаем Вам всего самого доброго.

Ваши Дима и Лена.

¹ Речь идёт о подготовке к печати книги “Творчество Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса”. М., Художественная литература, 1965.

² Лейбович Сарра Львовна, редактор книги “Творчество Франсуа Рабле”. См. С. Л. Лейбович. Тридцать лет спустя (Редактор “Рабле” С. Л. Лейбович вспоминает о подготовке книги к изданию. (Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997, № 1).

³ Публикация в “Литературной России” отрывка из книги “Творчество Франсуа Рабле” не состоялась.

⁴ Съезд проходил в марте 1965 года.

⁵ Речь идёт о рецензиях Л. А. Шубина (“Гуманизм Достоевского и “достоевщина”) и Г. Н. Поспелова (“Преувеличения от увлечения”) в журнале “Вопросы литературы” (1965, № 1).

⁶ В. В. Кожин периодически приезжал к Бахтину в Саранск, где читал по приглашению лекции в Мордовском государственном педагогическом институте.

⁷ Речь идёт о статье Е. В. Ермиловой “Ещё о чувстве меры”.

⁸ О ненаписанной книге М. М. Бахтина “Жанры речи” см. примечания Н. А. Панькова к письмам В. В. Кожина к М. М. Бахтину от 5.6.1963 и от 5.9.1963 и к письму М. М. Бахтина к В. В. Кожину от 29.10.1964 (Диалог. Карнавал. Хронотоп., 2000 № 3-4).

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Пользуюсь возможностью передать Вам через Нину Григорьевну¹ эту записку.

О себе буквально нечего писать – всё по-прежнему.

“Рабле” из-за длительной болезни и последующего отпуска С. Л.² задерживается. Что поделаешь! Я очень просил дать другого редактора – С. П. Гиждеу³, очень хорошего человека, друга Леонида Ефимовича⁴. Но по ряду причин ничего не выходит (в частности, не хотят обижать С. Л.). Во всяком случае, мне твёрдо обещали сдать книгу в набор в мае.

Что “Жанры речи”? Можете не сомневаться, что у этой книги будет гораздо более простая и лёгкая судьба, чем у двух предшествующих. Я уже говорил о ней в изд(ательстве) “Наука”.

Меня беспокоит: вдруг Вам уже нужна книга Лотмана?⁵ Из-за всякой суеты я не успел ещё освоить её до конца (сделать выписки и проч.)

Последнее время очень увлекаюсь последекабристским периодом русской культуры (1826–1840). Удивительное время. Самое **прекрасное**.⁶

10 марта я, очевидно, прибуду в Саранск читать лекции – дней на 10–12. Не пугайтесь, я буду беречь Вас и посещать не чаще, чем через день.

Мы с Леной уже живём этой встречей (она надеется вырваться тоже на несколько дней).

От всей души – всего Вам доброго.

Любящие Вас

Д. и Л.

¹ Нина Григорьевна Куканова и её муж А. М. Куканов были большими друзьями Михаила Михайловича и Елены Александровны Бахтиных. См. воспоминания Н. Г. Кукановой “Бахтины в моей жизни” (“Странник”, Саранск, 1997, № 1).

² С. А. Лейбович.

³ С. П. Гиждеу так и не стал редактором книги М. М. Бахтина о Рабле – им осталась С. Л. Лейбович.

⁴ Л. А. Пинский.

⁵ Речь идёт о книге Ю. М. Лотмана “Лекции по структуральной поэтике: Введение. Теория стиха” (Тарту, 1964). В письме от 20.2.1965 М. М. Бахтин писал В. В. Кожинуву: “О книге Лотмана не беспокойтесь: она мне пока не нужна”.

⁶ В письме от 23.2.1964 В. В. Кожинуву писал М. М. Бахтину: “Хотелось бы мне... написать что-нибудь и о 20–40-х годах прошлого века, о фантастическом развитии русской художественной (и вообще) культуры от Любомудров до Аполлона Григорьева, понять всё это заново. Кстати сказать, на днях я взял в руки Баратынского и впервые по-настоящему понял этого совершенно гениального поэта. Его стихи последних лет – это какое-то чудо. Может быть, я увлекаюсь, но я готов поставить его выше Тютчева – не говоря уже о Лермонтове. И какая невероятная судьба – никто в XIX веке Баратынского не понял, даже не прочитал. Да и в XX-м что-то странное. Так, Блок, восхищавшийся Полонским и воздававший должное Григорьеву, совсем прошёл мимо Баратынского – хотя, быть может, это самый близкий ему поэт”.

Слова Кожинова о “последекабристском периоде русской культуры”, как о “самом прекрасном” времени написаны не без некоторого вызова. И в официальных, и в околорисидентских литературных кругах это время характеризовалось преимущественно, как время некоего “упадка”. В моде были книжки, повествующие о “безвременье николаевской реакции”. Актуализировался Юрий Тынянов с его характеристикой 1830-х годов: “Как страшна была жизнь превращаемых, жизнь тех из двадцатых годов, из которых перемещалась кровь! Они чувствовали на себе опыты, направляемые чужой рукой, пальцы которой не дрогнут... С Лермонтова идёт по слову и крови гнилостное брожение, как звон гитары...” См., например, книги А. Белинкова “Юрий Тынянов” (М., 1961) и А. Лебедева “Чаадаев” (М., 1965).

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Посылаю Вам два (точнее, три) “материала” — письмо С. А. Лейбович¹ и отзыв Г. А. Соловьёва на “Рабле” + одно из его замечаний к работе. При-знаюсь Вам, что я сам предложил Соловьёву передать Вам отзыв (отзыв на-писан 3 месяца назад! — 11 ноября). Он почему-то не решался послать его Вам. Но, по-моему, будет гораздо лучше, если Вы узнаете его истинные мнени-я о “Рабле”². Кстати сказать, Ваша вставка о проблеме “серьёзности” (точ-нее, соотношения смеха и серьёзности — 4 странички к 199 стр. работы) в **из-вестной мере** снимает его замечания. Не знаю, написали ли Вы их потому, что я передал Вас смысл замечаний Г. А.; во всяком случае, я специально по-казал ему эти страницы, заметив, что они сделаны в ответ на переданное мною Вам его мнение (помните, я говорил о его критике — что Вы, дескать, абсолютизируете смеховое начало).

(Замечу в скобках: не обижайтесь на мой дикий слог; вчера ко мне при-ехали гости из Одессы, и я почти не спал — теперь голова плохо работает).

Итак, об отзыве Г. А. Вы увидите, что критика серьёзная, принципиаль-ная. Он противопоставляет Вам оптимистическую концепцию исторического развития известного толка. Вместе с тем — думаю, вы увидите и это — в его критике нет ровно ничего угрожающего. Сам он — я уверен в этом — готов из-дать книгу без всяких изменений. Он, кстати, очень был доволен, что Вы по-шли навстречу ему в упомянутой вставке. Правда, он выразил пожелание не-сколько развернуть эту проблему. Но это совсем не обязательно.

Да, самое главное. Отзыв этот — неофициальный, его куда не переда-вали и не передадут. Он написал его в точном смысле слова **для себя**. Он да-же не собирался (всерьёз, во всяком случае) передавать его Вам. Но так как вполне возможно, что в какой-то момент он вдруг мог решиться дать его Вам как **мнение редакции**, я счёл правильным послать его Вам как можно рань-ше (до сих пор Г. А. не хотел даже мне его показывать, это вообще человек со сложной и отчасти болезненной психикой — в частности, с несколько бо-лезненным самолюбием). Вы можете теперь спокойно обдумать Ваше отно-шение к отзыву. Особенно важно, что С. Л.³ разделяет замечания Г. А. (об этом она, кстати, и сама пишет); при встрече с Вами она будет высказы-вать примерно те же пожелания.

Чтобы вся картина была ещё яснее, позволю себе изложить ситуацию шире, — хотя письмо, видимо, получится слишком длинное и утомительное. Дело в том, что Ваша работа оказала огромное, даже преобразующее воздей-ствие на Г. А. Он прочёл её внимательнейшим образом (это явствует из его пометок на экземпляре, который он читал), и она буквально подняла на но-вую ступень всё его сознание. В этом убеждает, в частности, его рецензия. Если бы Вы посмотрели его предшествующие работы (статьи в “Вопр(осах) литературы” или книжку о Добролюбове, вышедшую в прошлом году⁴), Вы не поверили бы, что этот человек мог написать столь серьёзную и по-своему да-же “блестящую” статью о Вашей книге. Вы же знаете, как обычно ничтожна и бьёт мимо цели наша критика (кстати, читали ли Вы уже статью Бурсова о Вашем “Достоевском” во 2-м номере “Октября” за 1965 год? Это небезын-тересно — в частности, он критикует Вас с националистической позиции, на которой он недавно утвердился — в своей книге “Национальное своеобра-зие русской литературы”, 1964; вообще национальный вопрос приобретает сейчас невероятную остроту⁵).

Так вот — Г. А. явно (это чувствуется в разговоре с ним всё время) испы-тывает громадную — хотя, быть может, неосознаваемую — благодарность и глубочайшее уважение к Вам. Я думаю, что это очень хорошо. Книга безус-ловно — я думаю так — выйдет в этом году.

Да, ещё есть замечание Г. А. К стр. 65. Его он вообще не собирался Вам передавать. Я его нашёл в экземплярах работы и, грубо говоря, выкрал. Ин-тересно, что в конце он говорит (о Ньюtone и Эйнштейне) “буквально” о том же, о чём Вы уже написали во вставке (о серьёзной науке).

Не могу не оговорить: не подумайте, что я не понимаю глубочайшего смысла Вашей постановки вопроса о той подлинной научной серьёзности, ко-торая лишена догматизма (как и подлинная трагедия, и подлинный смех), ибо **проблемна**, самокритична и незавершима (превосходная автохарактеристика;

эта вставка была необходима! — Вы ввели ею **себя** в мир Вашей книги)*.

Ну, кажется я всё объяснил. Кстати: если можно было бы “пойти навстречу” Соловьёву в форме **таких** вставок и оговорок (которые на самом деле имеют совсем иной смысл — и лишь по видимости перекликаются с замечаниями Г. А.) — было бы неплохо...

Последнее: встал вопрос — ввиду того, что Ваша книга очень сложна и своеобразна, не следует ли дать к ней предисловие, написанное Л. Е. Пинским или же М. П. Алексеевым⁶. Этого нельзя делать без согласия автора. Как бы Вы отнеслись к такому предложению? Вообще-то это только предположение, некая маниловщина. Но меня просили **неофициально** узнать Ваше мнение. Напишите.

Наверняка я крайне утомил Вас — посему обрываю.

Всего самого доброго Вам.
Дима.

¹ Письмо С. Л. Лейбович хранится в фонде М. М. Бахтина в Отделе рукописей РГБ.

² Отзыв зав. редакцией критики и литературоведения в издательстве “Художественная литература” Г. А. Соловьёва “Творчество Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса” опубликован в журнале “Диалог. Карнавал. Хронотоп”, 2000, № 3-4. В письме к В. В. Кожинуву от 20.2.1965 М. М. Бахтин писал: “Присланные Вами замечания Г. А. Соловьёва меня поразили: они очень интересные, умные и в высшей степени благородные по своему тону...”

³ С. Л. Лейбович.

⁴ См. статьи Г. Соловьёва “По законам красоты” (“Вопросы литературы” 1961, № 5), “В борьбе за “партию народа” в литературе” (“Вопросы литературы” 1963, № 9), а также его книгу “Эстетические взгляды Н. А. Добролюбова” (М., 1963).

⁵ Статья Б. Бурсова называлась “Возвращение к полемике”. В словах В. В. Кожина трудно не услышать иронии по отношению к деятелям, мгновенно перешедшим с “интернациональных” позиций на “национальные”.

⁶ В ответном письме от 20.2.1965. М. М. Бахтин писал: “Против предисловия Пинского и Алексеева я, конечно, не возражаю”. Но книга Бахтина вышла без предисловия.

⁷ Речь идёт о следующем пассаже из работы Г. А. Соловьёва: “Смех **утверждал** жизнь народа, его деятельность ради своих потребностей — ради глотки, брюха, плоти, радости общения и т. д., и это утверждение было по необходимости **консервативным**, так как двигаться вперёд — значило пуститься в отчуждающий мир. Смех **отрицал** иерархию сословий, и это отрицание было **революционным**, но революция означала гибель утверждающего смеха. Наконец, эта гибель — тоже, как говорилось, амбивалентна, из гибели средневекового смеха должна родиться какая-то другая форма амбивалентного смеха, потому что отчуждение человека, его **человеческая трагедия** — не вечна, она — путь к высшей человечности, к возвращению человечеству человека как цели, и в этом смысле **утверждающая** сторона средневекового смеха, его **консервативная** сторона — в перспективе громадных эпох — оказывается **революционной**, утопическим прообразом революции, выводящей в человеческий мир. Утопия имеет свою реальность”.

10.3.65

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Во-первых, выяснилось, что я Вас напрасно беспокоил вопросами, связанными с моим приездом. С. С. Конкин¹ сейчас в Москве, и мы с ним обо всём договорились. Простите, что я Вас потревожил!

* Забавное соображение: Соловьёв ведь упрекает Вас в том, что Вы завершаете амбивалентный смех... Он же утверждает, что сама историческая гибель смеха амбивалентна. Но — см. стр. 15, 3-я строка — он сомневается — возможно ли возрождение! — т. е. этот человек засомневался в осуществлении утопии! Правда, только в одном месте своей статьи...⁷

Во-вторых, высылаю книгу О. М. Фрейденберг². Я давно хотел поговорить о ней. Не знаю даже, известна ли Вам она? Я когда-то, лет 10 назад, изучил её с большой пользой для себя — она расширила кругозор etc., хотя в ней, по-моему, нет глубокой и серьёзной концепции. Шлю я эту книгу вот почему: мне кажется правильным и справедливым хотя бы упомянуть (а может быть “оттолкнуться”) о ней в “Рабле”. Хотя Рабле упоминается в ней всего один раз и к тому же в весьма нелепом контексте, она всё же имеет, на мой взгляд, определённое отношение к Вашей проблематике.

Судьба этой женщины трагична (мне о ней рассказывал неоднократно Н. Я. Берковский, её друг). Приведу только один факт. После этой книги О. М. Ф. перестали печатать (о книге была разгромная статья... в “Правде”³, ибо книга вышла как раз в момент дискуссии о фольклоре в связи с критикой оперы “Илья Муромец” на либретто Демьяна Бедного — кажется, так?⁴). В конце 40-х — начале 50-х гг. О. М. — профессор, доктор наук — неожиданно решила защищать диссертацию на соискание имени... канд(идата) фило(офских) наук (что-то об античной философии⁵). Берковский пришел к ней и изумлённо спросил: — Что Вы делаете? Зачем? И к тому же Вас всё равно разгромят... — И она ответила, что, по крайней мере, будет отпечатан в 100–200 экз(емпляров) её автореферат... Вскоре она умерла⁶.

Итак, если Вы сочтёте нужным, посмотрите книгу (повторяю: мне не ясно — знаете ли Вы её или нет).

30 марта надеюсь быть в Саранске.

Самые сердечные приветствия от нас с Леной.

Ваш Дима.

¹ С. С. Конкин (1917–1999) — историк литературы, специалист по творчеству Н. П. Огарёва. В соавторстве с Л. С. Конкиной издал книгу “Михаил Бахтин. Страницы жизни и творчества” (1993).

² Речь идёт о книге О. М. Фрейденберг “Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы” (М., 1936).

³ Разгромная рецензия на книгу О. Фрейденберг “Вредная галиматья” (автор — Ц. Лейтензен) была опубликована не в “Правде”, а в газете “Известия” 28 сентября 1936 года.

⁴ Прямой связи с разгромом “комической оперы” “Богатыри” (а не “Илья Муромец”) уничтожение книги О. Фрейденберг не имело, здесь очевидна синхронность по времени этих событий. В 1936 году после постановки в Камерном театре издательского спектакля, поставленного на либретто Демьяна Бедного, вышло постановление ЦК ВКП(б) “О пьесе “Богатыри” Демьяна Бедного”. Об этом см. В. В. Кожин. К спорам о “русском национальном сознании” (В кн. В. В. Кожин. Россия как цивилизация и культура. М., 2012. С. 382–383).

⁵ На самом деле книга “Поэтика сюжета и жанра” была докторской диссертацией О. М. Фрейденберг, защищённой в 1935 году. Последняя её работа “Образ и понятие” увидела свет в 1978 году.

⁶ О. М. Фрейденберг умерла в Ленинграде 6 июля 1955 года.

15.8.65

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Откладывал письмо — ждал, когда придёт корректура “Рабле”. Затянули они малость, но, наконец-то, свершилось! Сейчас приступаю к чтению (мне дали экземпляр).

У нас всё в порядке, верю, что и у Вас тоже. Очевидно, Вы получили уже корректуру (её Вам отправили ещё вчера). Особенно себя не утруждайте и, главное, не следите специально за **опечатками**. И С(арра) Л(ьвовна), и корректоры, и я постараемся, чтобы их не было (конечно, в пределах, предусмотренных теорией вероятности...).

Должен Вам сообщить вот о чём. К Вам собирается зайти некий пензенец Алексей Александрович Дорогов¹. Зная, как Вы сейчас заняты, я, конечно,

мог уговорить его не делать этого. Но этот человек – я о нём Вам рассказывал, если Вы помните – так давно хотел повидаться с Вами, что просто трудно его отговаривать. Не подумайте, что я дал ему какую-нибудь “санкцию” на посещение Вас. Это человек, который всю жизнь активнейшим образом посещал людей, которые были ему интересны. Едва ли найдётся выдающийся человек, живший в 40–60-е годы, которого он не посетил бы.

Как я рассказывал, Дорогов по-своему замечательный, глубоко самобытный человек. Он инженер, теоретик науки, историк, философ и филолог. Во всех этих областях он имеет блестящие познания и создал те или иные оригинальные и содержательные концепции. Превосходно знает он историю России и русской культуры. В течение многих лет он пишет явно замечательную книгу “История машины” – книгу технико-**философского** характера². Задумана у него история русской мысли с древнейших времён. Правда, он больше любит составлять проекты, чем писать. Но это не от недостатка способностей или трудолюбия, но по каким-то сложным психологическим и иным причинам.

Сейчас он читает курсы по истории науки и техники сразу в нескольких московских институтах – и технических, и **гуманитарных** (что особенно интересно). Словом, это человек, с которым стоит познакомиться. К тому же с ним **можно говорить**.

Ему сорок с небольшим лет. Он немножко сумасшедший, но это как-то естественно.

Полагая, что корректура придёт 5-го авг(уста), я просил Дорогова – перед его отъездом в Пензу (кстати, его покойный отец – выдающийся почвовед, автор известной книги “Почвы Пензенской области”) – посетить Вас в самом конце августа, когда Вы уже освободитесь от “Рабле” (кстати, сестра Дорогова – филолог, близкая знакомая Сарры Львовны). Боюсь, что теперь он приедет в Саранск в самый разгар работы. Уж простите меня, что так получается. Во всяком случае, поверьте, что он постарался бы увидеться с Вами и без моего посредничества.

Вот такая история.

Мы живём за городом, и я пишу понемногу книгу, о которой рассказывал, – книгу “Дочь Фёдора Толстого”.

Лена чувствует себя хорошо и сердечно Вас приветствует.

Если найдёте время и настроение – напишите, пожалуйста, нам несколько строк – прежде всего о здоровье и самочувствии.

Всего Вам доброго!

Ваш Вадим.

¹ Об А. А. Дорогове (1923–2003) см. А. А. Дорогов о встречах с М. М. Бахтиным и о его месте в истории лингвистических идей. Вступление С. Г. Бочарова, публикация П. Б. Переверзевой. (Московский лингвистический журнал. т. 8, № 2, 2005).

² “История машин в России” – диссертация, которую А. А. Дорогов защитил в 1956 году.

28.10.65

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Простите, что долго не писал. Собственно, я ждал 2-й сверки “Рабле”, которая всё откладывалась и откладывалась. Наконец-то она пришла и сейчас я уже вычитал больше половины. По-моему, всё в порядке. Меня несколько беспокоит только некоторые иностранные тексты – в особенности, старофранцузские. Но и здесь, кажется, теперь стало терпимо. Пользуясь Вашими специальными санкциями, я сам решил вопрос о некоторых предельно небольших сокращениях, не затрагивавших смысла. Это, во-первых, вынужденные сокращения отдельных слов (или уничтожения **разрядки**) в тех случаях, где, как говорят типографщики, “повисли” строки (не вошедшие концы абзацев печатаются в этих случаях внизу, под текстом). Чтобы “вогнуть” эти концы, пришлось бы “перебирать” целые листы, и это страшно удлинит бы про-

цесс печатания. Как мне представляется, я сделал сокращения, не нанеся ни смыслового, ни сколько-нибудь заметного стилистического урона. Лыщу себя надеждой, что Вам не удалось бы даже угадать, где и что сокращено (впрочем, речь идёт о сокращении – в целом – на одну-две страницы).

Второе – это опущение некоторых **переводов** “непристойных” выражений, сделанное мной по настоянию редакции (например, теперь нет перевода выражения “baston de mariage”, – стр. 222, которое широко употребляется в современном русском просторечии и имеет весьма фривольное звучание¹).

Всё это я говорю о сокращениях ещё в **первой** корректуре. Во второй опять-таки несколько (впрочем, мало) слов “висит”. Я уже сделал необходимые манипуляции.

В целом всё идёт прекрасно. Жаль, что книга, очевидно, не поспеет к Вашему юбилею². Но к концу года она выйдет.

Да, ещё курьёзный случай. Я – правда, только уже в корректуре – обратил внимание на эпиграф:

*Я понять тебя хочу,
Тёмный твой язык учу.*

У Пушкина – “смысла я в тебе ищу”. После долгих поисков выяснилось, что это одно из исправлений, внесённое Жуковским. Сделано оно из религиозного пуризма, но получилось всё равно очень хорошо. И, главное, очень подходит к Вашей теме. Поэтому я уговорил оставить эпиграф с примечанием, что 2-я строка принадлежит Жуковскому³.

Замечательно, что в Вашем сознании – очевидно, с гимназических лет – остался этот вариант, не переиздававшийся с 1890-х гг.!

У нас всё в порядке. <...>⁴ Все друзья и знакомые здравствуют и более или менее нормальны (разве только Гачева заносит). Палиевский побывал в Италии и в Париже – недели три всего, – переполнен впечатлениями, очень доволен.

Не знаю, дошёл ли до Вас слух о неприятной истории. Арестован и находится под следствием Андрей Синявский, о котором я, очевидно, Вам что-либо говорил. По официальным данным, его обвиняют в том, что он печатал за рубежом произведения антисоветского характера (под псевдонимом). Он был сотрудником нашего института – отдела советской литературы⁵.

Горько было узнать о кончине Сарафима Вечканова⁶. При всех недостатках он показался мне добрым человеком. По-видимому, дело в пьянстве?

В духовной жизни ясно обозначаются интересные явления. Есть какой-то кризис, переход, сдвиг. Но это долгий разговор.

Вообще о многом бы хотелось поговорить!

Простите за сумбурное и нестройное письмо – в этом есть свой смысл и оправдание.

Примите самые добрые пожелания.

Ваш Вадим.

¹ Обозначение фаллоса “в действии”.

² М. М. Бахтин родился 17 ноября 1965 года. Книга “Творчество Франсуа Рабле” успела выйти к этой дате.

³ В ответном письме от 4 ноября 1965 года М. М. Бахтин писал В. В. Кожинуву: “Я безмерно благодарен Вам за ту огромную работу, которую Вы проделали! Все Ваши сокращения удивительно удачны: я ни одного из них не заметил. Очень рад, что Вы спасли мой эпиграф из Пушкина. Я действительно запомнил эти стихи ещё в ранней юности и не сверял их с текстом”.

⁴ Купюры в этом и в последующих письмах относятся к семейным перипетиям В. В. Кожинова, связанным с рождением дочери Александры и состоянием здоровья жены Елены Владимировны.

⁵ А. Д. Синявский под псевдонимом “Абрам Терц” передал для издания на Западе несколько своих повестей (“В цирке”, “Суд идёт”, “Любимов”, “Гололедица”, “Пхенц”). 4 сентября 1965 года был арестован, позже судим (вместе с Ю. Даниэлем) и приговорён к 7 годам колонии по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде.

В статье “Патриоты, мыслители” (в кн. “Судьба России” М., 1997) В. В. Кожин-нов писал: “Курируемое Яковлевым (замзавотделом агитации и пропаганды ЦК КПСС – С. К.) судилище было, разумеется, вопиющим попранием самых элементарных норм демократии, ибо “преступление” Синявского заключалось всего-навсего в публикации за рубежом довольно безобидных с политической точки зрения литературных сочинений. Конечно, каждый имел право как угодно резко полемизировать с этими сочинениями, но устраивать из-за них судебный процесс по статье, предусматривающей длительное лишение свободы, могли только стопроцентные тоталитаристы”.

⁶ Вечканов Серафим Емельянович (1914–1965) – мордовский поэт.

3.12.65

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Большое спасибо за помощь. Вы меня очень выручили¹.

У нас всё более или менее в порядке. <...>

Как Вы поживаете? Очень хотелось бы получить от Вас весточку.

Всё время забывал напомнить Вам, что необходимо послать в редакцию заказ на книги для Вас (сколько экземпляров – Вы обдумайте); иначе Вы рискуете остаться без собственной книги! Мне уже сообщили из авторитетных кругов, что она станет предметом спекуляции...

А как обстоят дела с “Жанрами речи”? Я простот гарантирую Вам, что эта книга пройдёт совершенно легко и быстро. Вы можете свободно высказать в ней **философское** содержание Вашей лингвистической концепции.

Читали ли Вы в “Вопросах языкознания” восторженное упоминание о книге “Волошинов. Марксизм и философия языка”?

О “Рабле” уже пишется рецензия (чтобы предупредить возможность повторения наскака а la Дымшиц²). Кроме того высокоположительный разбор книги написан (по принадлежащей мне корректуре) для того самого сборника о Возрождении, в который Самарин (кстати, весьма обиженный – но чёрт с ним!) просил Вас дать статью.

О себе писать нечего – весь погружён в житейские заботы.

Сердечные приветствия от меня, Лены, Саши.

Ваш Дима.

¹ В предыдущем письме В. В. Кожинова содержалась просьба о присылке денег в долг.

² В “Литературной газете” от 11 июля 1964 года была напечатана статья А. Л. Дымшица “Монологи и диалоги”, посвящённая “разбору” книги М. М. Бахтина “Проблемы поэтики Достоевского”.

4.12.67

Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

Давно не писал Вам – какой-то у меня “кризис”, очень трудно браться за перо; к тому же я знал о болезни Елены Александровны, о диагнозе хирурга и понимал, что Вам не до меня. Но вот всё же решаюсь написать.

Надеюсь, что сейчас у Вас всё более или менее в порядке. Очень хотелось бы побывать у Вас, но не знаю, насколько Вы сейчас способны лицезреть столь резвого гостя.

У нас в общем и целом всё по-прежнему. Обменным делам не видно конца, слегка работаем. <...>

“Общекультурная” обстановка в Москве крайне, небывало смутная, ничего не разберёшь, какие-то странные копошения многочисленных стремлений и идей. Такого ещё при мне не было. Даже пожилые люди сбиты с толку, теряют прежние свои позиции. Ну, может быть, что-то и выкристаллизуется из этого мутного раствора.

“Достоевский” переведён в ГДР, сейчас издаётся. На днях сдаётся “Методологический сборник” с Вашим “Романом”. Очень жаль, что так застопорилось дело с “Жанрами речи”...

У меня самого всё тоже как-то смутно. Давно хочу выйти за пределы своих “национальных” идеалов, но ещё не знаю, куда...¹

Сильно переделал свою статью о Пушкинской эпохе, которую Вы читали; даже сделал из неё две! Одна из них — о Гоголе и Чаадаеве, где, в частности, выясняется, в связи с Вашими идеями, амбивалентность понятий “Мёртвые души” и “Некрополис” (город, из которого пишет письма Чаадаев). Что Вы об этом думаете? Об этих смертях, чреватых рождением?²

В последнее время очень увлекаюсь Н. Ф. Фёдоровым.

Палиевский подружился с внуком П. А. Флоренского и узнал массу исключительно интересного. Мы вводим его работы (в т(ом) ч(исле) неопубликованные) в нашу “Эстетику славянофилов”³.

Впрочем, я даже не знаю, как Вы относитесь к Флоренскому.

Собираемся устроить курс лекций (в Политехническом музее) “Русские мыслители — от Илариона до того же Флоренского. Сейчас пишу для Литэнциклопедии статью “В. В. Розанов”. Постараюсь “пробить” нечто “объективное”. И обязательно с портретом!⁴

Видите, как расхвастался. Пора остановиться.

Очень надеюсь получить от Вас несколько строк.

Примите от нас всех самые горячие пожелания здоровья и бодрости.
Ваш Вадим.

¹ Об этих своих “колебаниях” и “эволюционных изменениях” В. В. Кожинев через два с лишним десятилетия писал в статье “1948–1988. Мысли и отчасти воспоминания об изменении литературных позиций”: “Честно признаюсь, что в шестидесятые годы я сам думал, что следует непосредственно “продолжать” и “развивать” наследство, допустим, Киреевского, Хомякова, Григорьева, Леонтьева и т. д., и даже прямо писал об этом (насколько это получалось в тогдашних условиях печатания). Но давно уже пришёл к выводу, что это, повторяю, и невозможно, и не нужно”.

Может быть, в это время, когда В. В. Кожинев нащупывал подступ к таким своим статьям, как “К методологии истории русской литературы” (“Вопросы литературы” 1968, № 5), “Национальная литература: прошлое или будущее” (“Литературная газета” 1969, 23 июля), “О главном в наследии славянофилов” (“Вопросы литературы” 1969, № 10), “О “поэтической эпохе” 1850-х годов” (“Русская литература” 1969, № 3) — он одновременно уже думал о “размыкании” своего “идейного” круга, к выходу на своеобразный “слом стены” между классической славянофильской и классической западной мыслью в России — результатом чего стала его знаменитая статья “И назовёт меня всяк сущий в ней язык” (“Наш современник” 1981, № 11), ставшая во многом неприемлемой как для литературного официоза, так и для многих кожиневских единомышленников.

² Речь идёт о статьях В. В. К. “Пушкин и Чаадаев. К истории русского самосознания” и “Чаадаев и Гоголь: о литературе 1830-х годов”.

³ В предыдущем письме от 20 февраля 1967 года В. В. Кожинев писал: “...Мы с Палиевским и Урновым будем готовить к изданию (договор уже есть) антологию “Эстетики русских славянофилов” — от Киреевского до Розанова”. Авторы чрезмерно затянули срок сдачи рукописи, в результате чего “антология” вышла с другими составителями и в ином составе (см. “Русская эстетика и критика 40-50-х годов XIX века”. Подгот. текста, сост., вступ ст. и прим. В.К. Кантора и А. Л. Ословата. М., Искусство, 1982).

⁴ Статья в “Краткой литературной энциклопедии” о В. В. Розанове подписана фамилией “Н. П. Розин”.

Письма Вадима Кожинова Борису Чичибабину

11.2.72

Дорогой Борис!

Не примите это обращение за пустую фамильярность — я, вопреки Вашему предположению, знаю Вас давно (знал Вас сначала как “Полушина” и даже упомянул Вас в статье о поэзии году в 60-м в журн. “Знамя”¹), лет пятнадц-

цать, и с тех уже давних пор часто читаю наизусть Ваше “Кончусь, останусь жив ли...” А, значит, как-то сроднился с Вами. Если я что-то понимаю в стихах – в этом и Ваша заслуга, так как только стихи (настоящие, конечно) **современников** могут помочь действительно проникнуть в мир поэзии.

Спасибо Вам за радость, принесенную Вашим письмом, – радость не от похвал (она поверхностна, и я ей дорожил только в юности), а от чувства, что твоя работа не совсем бесплодна, что она нужна – притом, человеку, которого высоко уважаешь.

В стихах Ваших (в которых Вы открылись для меня заново и, в частности, как поэт очень многогранный) есть безусловная подлинность, самобытность и – что сейчас крайне редко бывает – **сила** (наигранной силы у нас хоть отбавляй, но та настоящая, которая есть у Вас, – уникальна).

Конкретно говорить о стихах в письме невозможно – или уж нужно писать целый трактат. Надеюсь, что мы сможем поговорить – Вы же бываете в Москве? Мой тел. 2916728, очень рад буду встретиться.

Проще сказать о “направленности”. Многое для меня спорно – возможно, в силу различия поколений (мне 41). Из-за несколько “внешних”, упрощенных идей, некоторые Ваши стихи, на мой взгляд, риторичны.

Ну вот, скажем, стихи “Твой лоб, как у статуи бел...”². Герой этого Вашего стихотворения в 1957 году отправил послание к “Друзьям на Востоке и на Западе” (у нас оно было опубликовано в газ. “Лит. Россия”, 1965, № 1; Вы его, наверно, не читали). Он говорил в нём: “Вот за что скажите спасибо нам. Наша революция задала тон и вам, наполнила смыслом и содержанием... Не мы, не наша молодёжь – даже сын вашего банкира уже совсем не то, чем были его отец и дед. И за этого нового человека, за... то, что он живет, тоньше и одареннее своих грузных высокопарных предшественников, скажите тоже спасибо нам” и т. д.

Мне кажется, что Вы недостаточно верно представляете себе суть Вашего героя. Вы видите его “обет” в том, что “не может быть злой человек хорошим поэтом”. Злым он не был (хотя это едва ли большое достоинство), но **холодным** – в значит. степени (несмотря на частые слёзы). А его друг, который вместе с ним на снимке, и на которого Вы также “поминутно смотрите с любовью”, был, конечно, очень злым³. Я не вижу никакой **принципиальной** разницы между ним и героем другого Вашего стихотворения – “Однако радоваться рано...”⁴. Я бы даже сказал, что первый (т. е. М.) в известном смысле хуже⁵. Прочтите, пожалуйста (Вы, как я понял, много читаете, и это не будет Вам в тягость) следующие страницы в т. 12 его последнего Полн. собр. сочинений: 302–304, 312–320, 328–331, 390–391 и (особенно!) 533. Очень интересно Ваше мнение об этих страницах “поэта”.

Конечно, всё это спорные вопросы. Но без их решения не обойдёшься.

Вот Вы ещё – так, во всяком случае, я понял – вините “Русь” в гибели Пушкина⁶. Мне кажется, что на вопрос, кто убил Пушкина, точно ответил Блок в своём завещании (см. т. 6 последнего изд. соч., стр. 166–167, со слов “Между тем жизнь Пушкина...” – не бенкендорфы даже (которые мешали лишь в “третьем деле”⁷), а те, кто отнимал творческий покой, творческую волю. Имя там одно названо⁸.

Впрочем, всё это, повторяю, слишком спорно. Когда-нибудь обсудим. Во всяком случае, иные Ваши стихи со слишком “внешним” смыслом для меня звучат как риторика. Другое дело – “Махорка”, “Во мне проснулось...”, “Так-сяк...” и др.

Ещё раз благодарность Вам от сердца.

Всего Вам самого доброго.

Стихи Ваши я уже читаю друзьям – как Вы хотели.

Пишите, пожалуйста.

Искренне Ваш
Вадим Кожин.

¹ Речь идёт о статье В. В. Кожина “Внешняя и внутренняя тема в современной лирике” (“Знамя” 1960, № 11).

² Речь идёт о стихотворении Б. Чичибабина “Пастернаку” (1962).

- ³ См. строки Б. Чичибабина из стихотворения “Пастернаку”: “Я стих твой пешком исходил, ни капли не косвен, храня фотоснимок один, где ты с Маяковским, где вдоволь у вас про запас тревог и попок. Смотрю поминутно на вас, люблю вас обоих...”. Имеется в виду фотоснимок Б. Л. Пастернака с В. В. Маяковским 1924 года.
- ⁴ Речь идёт о стихотворении Б. Чичибабина “Клянусь на знамени веселом” (1959), начинающемся строфой: “Однако радоваться рано — и пусть орёт иной оракул, что не болеть зажившим ранам, что не вернуться злым оравам, что труп врага уже не знамя, что я рискую быть отсталым. Пусть он орёт — а я-то знаю: не умер Сталин”. Это “не умер Сталин” — рефрен всего чичибабинского сочинения.
- ⁵ В. В. Кожин знал, о чём писал. Ему самому принадлежит несколько статей о творчестве В. В. Маяковского. Кроме того он принимал участие в подготовке 7 тома 13-томного Полного собрания сочинений В. В. Маяковского (1955–1961).
- ⁶ Имеется в виду строки из следующего стихотворения Б. Чичибабина: “Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю — молиться — молюсь. А верить — не верю... А я тебя славить не буду вовеки. Под горло подступит — и то не смогу. Мне кровь заливает морозные веки. Я Пушкина вижу на жжёном снегу...”
- ⁷ Имеются в виду следующие строки из речи Александра Блока “О назначении поэта” (1921): “Наступает черёд для третьего дела поэта: принятые в душу и приведённые в гармонию звуки надлежит внести в мир. Здесь происходит знаменитое столкновение поэта с чернью...”
- ⁸ См.: “Между тем жизнь Пушкина клонилась к закату, всё больше наполнялась преградами, которые ставились на его путях. Слабел Пушкин — слабела с ним вместе и культура его поры: единственной культурной эпохи в России прошлого века. Приближались роковые сороковые годы. Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным вежливому голосу графа Бенкендорфа. Он кажется нам таковым и до сих пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что это — не так...” (Александр Блок. “О назначении поэта”).

<письмо без даты>

Дорогой Борис!

То, что я собираюсь сейчас делать, — глупо и бессмысленно, заранее обречено на провал. Но не могу удержаться, так как мне, честное слово, больно от того, что Вы, человек, как я понимаю, не зависящий от давления “группы”, “среды”, всё же — при всём уме, даровании, опыте — закабалены, подавлены дутыми авторитетами, дешёвыми идеалами.

Ну, что в самом деле стоит одно уже нежное упоминание Маршака¹ — это го ничтожества, этого графомана, который всю жизнь служил верой и правдой (притом, служил особенно умело, даже подчас незаметно) тому именно, что Вы всей кровью ненавидите, тому, что Вас топтало и корёжило?

Я опять вспоминаю, что взялся за нелепое дело, что Вы не можете под пятьдесят лет вытравлять из себя те свойства, которые я с величайшим трудом вытравил из себя между 30 и 35 годами (т. е. 1960–1965)² — не можете, даже если бы и захотели.

А ведь вопрос тут, собственно, чисто теоретический. В сфере культуры то, что находится ниже среднего уровня (и даже на среднем) — в принципе вообще не существует. Ваши прямые враги (ну, скажем, те, кого Вы в одном стихотворении называли “кретинами” и “хамами”³) вообще не существуют, как явление культуры. С ними не о чем спорить (на почве культуры). Те, кто находится под их “духовным” влиянием (те “поэты”, скажем) такое уж мизерное явление, что о них и жалеть не приходится. Даже хорошо по-своему, что они, эти “поэты” сидят в этой дыре и не срамят своим бумагомаранием какие-либо более “высокие” сферы. Спорить с ними поэтически — значит унижать себя (и Вы, кстати, этим грешите). Спорить можно только лишь на определённом уровне. Но как только Вы встречаетесь с явлением более или менее высокого уровня — Вы восхищаетесь, даже падаете ниц. Так Вы чуть ли не как перед Богом преклоняетесь перед поэтом — разумеется, поэтом замечательным, многие строки которого я с дрожью в голосе твержу наизусть⁴, — но поэтом, глав-

ные вещи которого по своему смыслу никак не заслуживают преклонения, ибо первая изобразила небывалую в истории народную трагедию – трагедию, которая, возможно, вообще уничтожила самые **гены** нации, – чуть ли не как идиллию⁵, а вторая показала другую трагедию чуть ли не как водевиль⁶.

Я не случайно сослался в прошлом письме на завещание Блока. Вы пишете, что не принимаете Блока. Что ж, это был, без сомнения, первый по времени великий **профессиональный** поэт (первый русский), что наложило на него особую, иногда очень неприятную печать. Он, в частности, напечатал едва ли не больше стихотворений, чем все великие русские поэты до него, вместе взятые. Я не могу читать его ранние стихи – совершенно холодные и выдуманные. Но примерно в 1905–1906 его нечто пронзило, и есть у него 50–70 великих вещей. Думаю, что я мог бы составить его книгу, которую приняли бы все, включая Вас. Но это так, к слову.

Говорю об его завещании, о “тайной свободе”, о “творческой воле”. Вот Вы разделяете “подлинное, глубокое, вечное” и “мнимое, внешнее, временное”. Но для того, чтобы действительно отделить эти вещи, необходима именно эта высшая свобода. Для освобождения от мнений “кретинов” и “хамов” её не требуется, – хотя и были годы (я, как и Вы, хлебнул их, – правда, поменьше), когда и это было трудновато.

Опять и опять я чувствую тщету своих слов. Но горько и больно читать у настоящего поэта строку о Маршаке (Вы можете сказать – вот, мол, привязался к одному имени! Но это просто “лакмусовая бумажка”.), ожидающем друга на небеси со словами о Рождестве (слава Богу, ещё хоть с маленькой буквы – так у Вас). Хорошо ещё, что не упомянуты Чуковский, Светлов, Эренбург (кто там ещё?) и – авансом – Иракий Андронников – словом, все либеральные светочи.

Если же Вы всерьёз говорите, что и тот, и другой “тоже Россия” и “сколько русских, столько России” – то почему же Вы изгоняете “хамов” и “кретинов”? И почему вам новые “джамбулы” не по душе?⁷ Это нелогично.

Ещё и ещё раз повторю: я умею ценить всё ценное у **кого угодно**. Но не надо видеть **идеалы** общественного поведения и нравственной позиции там, где ими и не пахнет.

Да и логика действительно верная вещь. Вот Вы пишете, что Блок и Есенин имели иллюзии, близкие к иллюзиям героя Вашего стихотворения, и “не нам их судить”. Но одно дело – иллюзии до 1925 и тем более 1921, а другое – до 1957. Как Вы это упустили?

Или ещё: герой, которого ожидает Маршак, по Вашей мысли, чуть ли не ходил над пропастью. С чего Вы взяли? Никогда ему не угрожало ничто, кроме лишения какого-либо нагрудного знака (точнее, даже просто понижения его – знака – “стоимости”). Вы сами по сравнению с ним, – герой⁸. Зачем же расстилаться?

Но я заболтался. Простите, если огорчил Вас или обидел. В последнем случае можете обидеть меня молчанием.

Всего Вам доброго, от души.

В.

¹ Речь идёт о стихотворении Б. Чичибабина “Памяти А. Твардовского” (1971), где есть такие строки: “Бесстыдство смотрит с торжеством. Земля твой прах сыновний примет, а там Маршак тебя обнимет, “Голубчик, – скажет, с рождеством!” В присланном В. В. Кожинуву тексте стихотворения слово “Рождество” было написано с маленькой буквы. С. Я. Маршак был одним из рекомендателей Б. Чичибабина в Союз писателей СССР.

² В. В. Кожинув неоднократно подчёркивал, что этот перелом произошёл в нём под впечатлением от общения с М. М. Бахтиным.

³ См. стихотворение Б. Чичибабина “Клянусь на знамени весёлом”: “Пока во лжи неукротимы сидят, холёные, как ханы, антисемитские кретины и государственные хамы, откуда взяточник заносчив, а волокитчик беспечален, пока добычки ждёт доносчик, – не умер Сталин. . .”

⁴ Имеется в виду А. Т. Твардовский.

⁵ Поэма А. Т. Твардовского “Страна Муравия”.

⁶ Поэма А. Т. Твардовского “Василий Тёркин”. Лучшей из крупных вещей Твардовского В. В. Кожинув называл поэму “Дом у дороги”.

⁷ Здесь и далее, очевидно, цитаты из письма Б. Чичибабина В. В. Кожинуву, пока не обнаруженного.

⁸ С 1946 по 1951 год Б. Чичибабин отбывал тюремный и лагерный срок по обвинению в антисоветской агитации.

Письмо Вадима Кожина Варламу Шаламову

3.1.76

Глубокоуважаемый и дорогой Варлам Тихонович!

Когда-то мы обменялись с Вами письмами¹. Меня зовут Вадим Кожин, я автор книги “Как пишут стихи”, которая Вам нравилась. Потом у нас был эпистолярный спор о поэзии Голенищева-Кутузова², причём, в конце концов, Вы дали ей в своём письме высокую оценку.

Сейчас я написал книгу о русской поэзии, где, в частности, идёт речь о забытом Голенищеве-Кутузове. Было бы очень хорошо подкрепить мою оценку поэта Вашей. Посему я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой разрешить процитировать в моей книге Ваши высокие слова о поэзии Голенищева-Кутузова (из Вашего письма ко мне от 9 января 1972 года)³.

Буду очень благодарен за согласие.

Книгу скоро нужно сдавать, поэтому проще всего было бы, если бы, получив это письмо, Вы позвонили мне по телефону 2916728, чтобы сообщить своё решение.

Если Вам это неудобно, напишите, пожалуйста, по адресу: Москва, Г-19, ул. Мясковского 35/37 кв. 14.

Примите самые добрые приветствия и пожелания.

Искренне Ваш
Вадим Кожин.

¹ Предыдущее письмо В. В. Кожина пока не обнаружено. Ответное письмо В. Т. Шаламова было напечатано в его Собрании сочинений в 6 тт. (т. 6. М., 2005, с. 588–592).

² Ото всего “эпистолярного спора” осталось вышеуказанное письмо В. Т. Шаламова, в котором он, в частности, писал:

“Голенищев-Кутузов – огромный кусок поэтической русской классики бесспорно и кроме стыда за своё опрометчивое суждение в “Дне поэзии 1968” я ничего не испытываю. (Имеется в виду следующий пассаж В. Т. Шаламова в статье “Пушкинская премия Академии наук”: “Станным сейчас выглядит награждение полной Пушкинской премией поэта А. А. Голенищева-Кутузова. Всего одно поколение понадобилось, чтобы этот лауреат был вовсе забыт – он даже для литературоведов не представляет интереса” – С. К.).

Считается, что вся эта апухтинская стезя давно потеряла силу и ни один чтец-декламатор – главное орудие классики в борьбе со стихами не подскажет тебе фамилии и стихи Голенищева-Кутузова, хотя, казалось бы, они созданы для мелодекламации, утраченного ныне жанра, весьма популярного в дни моей юности... Я мог бы и просмотреть тот мелодекламационный вклад, что сделал Голенищев-Кутузов в русской поэзии конца прошлого века. Просмотреть активное содружество с Мусоргским. Я – человек, очень далёкий от музыки. У меня, как у Блока, нет музыкального слуха. Общение с Маяковским, который отрицал музыку вовсе, как нельзя лучше совпало с моими собственными опасениями на сей счёт.

По своему левовскому нигилизму я мог бы и заглазно и заушно выудить по молодости лет тревоги и вкусы Голенищева-Кутузова и утратить большого русского поэта чуть не на всю жизнь...

Ощущение ухода от людей, сближение с природой, находки на этом пути и давали Голенищеву-Кутузову возможность строить свою самозащиту в четырёх стенах.

По своему ощущению мира Голенищев-Кутузов принадлежит к числу русских пророков с философией, обгоняющей западные образцы. Но это – и вовсе отдельная тема...

Открытие нового русского поэта-классика для другого поэта шестидесяти шести лет от роду само по себе – уникальный случай в истории русской литературы. Но чудеса на этом не кончаются. Совпадают (с моими стихами) эмоциональный тон, интонационный строй, техника (даже названия стихов одинаковы – “Старик”, “Орёл”, “Метель”, “Костёр”). Прошло ведь сто лет. Тут уж я опускаю руки. Загадку совпадения не могу объяснить.

Подражание, эпигонство, отсутствие новизны считаю главным грехом стихотворца, и загадку Голенищева-Кутузова не могу объяснить. В природе больше необъяснимого и случайного, чем мы знаем. Более поражающих вещей, чем мой, весьма удивительный случай, свертелепатические чудеса. Но это всё – не главное. А главное в том, что Вы сделали мне редчайший, уникальнейший годоводный подарок – подарили нового русского классика...

³ Речь идёт о книге В. К. “Книга о русской лирической поэзии XIX века” (М., “Современник”, 1978). В ответном письме В. Т. Шаламов писал: “Цитировать из моего письма, я разумеется, разрешаю сколько угодно, хотя и не надеюсь замолить грех перед Аполлоном (Григорьевым – С. К.) и Голенищевым-Кутузовым за свой проступок. В вечных сожалениях за свой просчёт. Ваш В. Шаламов” (Письмо от 5 января 1977 года). Одна из частей заключительной главы “Лирика “безвременья” (Конец века)” посвящена поэзии А. А. Голенищева-Кутузова. Но никаких цитат из письма В. Т. Шаламова в ней не содержится.

Письма Вадима Кожина Виктору Лапшину

19. 1. 84

Дорогой Виктор!¹

Не сердись, что долго не писал: представь себе, как-то неожиданно запил да ещё обварил ногу крутым кипятком (ожоги до 3–1 ст(епени)!). Дней десять был как в тумане.

Сборник твой готов² – и без учёта требований мнацаканянов и ко³. Книгу твою в “М. Г.” (удалось добиться этого) поддерживает Костров, рабоч(ий) секр(етарь) Моск(овской) организац(ии)⁴. Так что дело облегчилось.

Единственное, что следует в самом деле учесть, – это поставить вперёд что-нибудь “посветлее”. Что касается поэм, которые ты хочешь добавлять, я, по-видимому, их не знаю; так что пришли.

Вопрос, который надо решать ещё – это правка, которую сделал в твоих стихах Поликарпович⁵. В основном, она, по-моему, очень удачна*. Но, естественно, ты должен сам всё решить. И перепечатать, кстати, стихи в “окончательном” виде.

Вечер твой в Костроме (так уж получилось) запланирован на апрель. Так что есть ещё время готовиться.

Поучись, милый ты мой, читать (в смысле – декламировать) стихи! Поэт **должен** это уметь. Найди и обработай **свою** голосовую трактовку. И чтобы можно было читать громко (это уже вторая задача).

На всякий случай сообщаю: в ЖЗЛ только что вышла прекрасная книга моего друга, твоего земляка-костромича Николая Скатова о Кольцове⁷. Почитай, если можешь достать.

Да, заглянув в твоё письмо, сообщаю: своего “Тютчева” я сдал, а что там дальше – уже не от меня зависит⁸.

Чуть не забыл: 17 янв(аря) обсуждали “День поэзии” в ЦДЛ⁹. Ты был одним из главных героев обсуждения.

Сердечный привет твоим близким от всех нас, обнимаю.
В. К.

¹ Это письмо было опубликовано самим Виктором Лапшиным в подборке писем В. В. Кожина “Восторга не теряющий” (“Наш современник” 2005, № 7), но с необъяснимыми купюрами. Собственно говоря, из всего письма В. М. Лап-

* Кроме стихотв(орения) “Без искания...”, которое я прошу тебя дать в “моём” варианте – из “Лит(ературной) учёбы”⁶.

шин по непонятной причине оставил лишь два коротеньких абзаца. А оно крайне важно в контексте их эпистолярного и личного общения.

² Речь идёт о сборнике Виктора Лапшина “Поздняя весна” (М., “Молодая гвардия”, 1985).

³ Видимо, речь идёт о “внутренней рецензии” стихотворца С. Мнацаканяна на указанную книгу В. Лапшина.

⁴ Речь идёт о поэте В. А. Кострове.

⁵ Ю. П. Кузнецов.

⁶ Первая серьёзная подборка стихотворений В. М. Лапшина с послесловиями В. В. Кожина и Ю. П. Кузнецова была опубликована в журнале “Литературная учёба” (1983, № 5).

⁷ Николай Скатов. “Кольцов” (М., “Молодая гвардия”, ЖЗЛ, 1983).

⁸ Книга В. В. Кожина “Тютчев” вышла в “Молодой гвардии” в серии ЖЗЛ лишь в 1988 году.

⁹ В “Дне поэзии 1983”, составленном Ю. П. Кузнецовым, была напечатана большая подборка стихотворений В. М. Лапшина.

14.9.87

Дорогой Виктор!

Перевод твой я мог бы найти, но это нелегко¹ (ты, думаю, видел, сколько у меня рукописей, и они неизбежно исчезают на время – хотя до конца ничто никогда не пропадало, т. к. из моей комнаты никто не может вынести даже просто запачканного листика).

При всём том поверь, что перевод твой тебе не нужен, он был очень слабый. Найди лучше “Неделю”, где были и тексты, и подстрочники, и комментарии к 3-м стих(отворен)иям твоего тёзки Дыка².

На Виолетту³ плюнь – подумаешь, какое серьёзное дело. С гл(авным) ред(актором) “Учит(ельской) газ(еты)” я не знаком, да и не знаю, кто это вообще⁴.

Глушкова, т(ак) сказать, дружила с Кузнецовым и мной. Но она принадлежит к тем – увы, распространённым – женским натурам, которые, обретая нечто от друзей, требует всё большего и большего, а поскольку это не всегда возможно, превращает друзей во врагов. Она писала достаточно восторженно и о Куняеве, и о Кузнецове, но теперь “мстит”⁵. Впрочем, это также не столь уж важное дело. Гораздо важнее её памфлет на всемирное еврейство, написанный в виде статьи о стихах Дзэика Самойлова⁶. За эту блистательную сатиру нужно ей быть благодарным. Или за расправу над Аннинским на страницах “Лит(ературной) газеты”⁷. Я за этот диалог даже ей восторженную телеграмму послал. И сейчас готов её восхвалять за самойловскую статью. А то, что она хвалит Ступина в противовес Кузнецову и Куняеву – крайне несерьёзно. Бог с ней!

Пугачёву обожают бабы с неудачной судьбой и подростки. Меня на одном выступлении спрашивали (взрослые) – почему, мол, наши дети без ума от Пугачёвой? Я сказал: они восхищены тем, что вот, мол, пожилая тётя, а ведёт себя, как мы!

Лена (моя жена) же уверена, что Пугачёва – с того света, не человек. Она жадно глядит на экран, полагая, что видит настоящую нечистую силу. Я же думаю, что это чрезмерный комплимент Пугачёвой.

Давно ты не присылал стихи. Как бы тебе не истощить самую способность к сложению стихов в переводах. Не увлекайся слишком.

Очень хороший рассказ Королёва в № 6 “Москвы” за этот год⁸.

Пиши,

привет семейству,
обнимаю.

В. К.

¹ Речь идёт о стихотворении Виктора Дыка в переводе В. М. Лапшина.

² См. В. Кожин. Послесловие литературоведа. К итогам конкурса на лучший перевод стихотворений чешского поэта Виктора Дыка. (“Неделя”, 1983, № 52).

- ³ О ком речь – неизвестно.
- ⁴ Главным редактором “Учительской газеты” в 1987 году был В. Ф. Матвеев.
- ⁵ Речь идёт о статье Т. М. Глушковой “Через несколько лет”. (“Русский узел” в стихах наших дней” в её книге “Традиция – совесть поэзии” (М., “Современник”, 1987). В этой же книгу вошли её статьи “Призраки и силы и вольности” и “Образ поэта – образ критика. О “Свободной стихии” Станислава Куняева”, в которых она писала о творчестве Юрия Кузнецова и Станислава Куняева в совершенно иной тональности.
- ⁶ Статья Т. М. Глушковой “В пристальном свете русской классики”. (О некоторых тенденциях современной поэзии в зеркале её критики”), посвящённой разбору поэзии Давида Самойлова, в той же книге.
- ⁷ См. диалог Льва Аннинского и Татьяны Глушковой “Фениксы и хамелеоны” (“Литературная газета” 1987, 22 апреля).
- ⁸ Речь идёт о рассказе Анатолия Королёва “Перелёт”.

12. 9. 89

Дорогой Виктор!

Зря обижаешься, что редко пишу. Если бы ты мог с помощью некоего чудесного прибора видеть мою жизнь, тебе даже не пришлось бы в голову упрекать меня, что я не нахожу времени регулярно писать тебе.

Ряд сильных стихотворений ты прислал в последний раз – недавно. Большая часть из них появится в одном из ближайших номеров “Современника”, где теперь хороший гл(авный) редактор – Куняев¹. Поэтому не печатай их в других журналах и еженедельниках (в газетах – можешь). Представляю, как ты уже берёшься за перо, дабы спросить меня, какие именно из тех стихов. Но для того, чтобы это точно выяснить, мне пришлось бы провести расследование, на которое нет времени. Так что не публикуй пока все те, которые прислал в последний раз. И не забывай, что мне в будущем году 60 лет, и силы убывают.

Теперь, что касается книги². Я готов сделать то, что ты просишь, но мне нужен для этого текст книги, а не их названия. Тут ведь опять-таки надо всё искать и впадать тем самым в лишние хлопоты. И Кузнецов, и Сиротин, и Куняев, и Тряпкин, и др., чьи книги я составлял³, давали мне тексты, с которыми я затем работал (что-то добавлял, что-то удалял и т. п.). Не думаю, что у них меньше забот, чем у тебя.

Кстати, переписываешься ли ты с Сиротиным, Курдаковым, Поздняковым⁴? Что Старостин⁵? Казиева пока не собрался прочитать, но прочту⁶.

Всего тебе доброго, привет тебе и семье от всех нас.

В. К.

¹ С. Ю. Куняев стал главным редактором “Нашего современника” в начале сентября 1989 года.

² Речь идёт о книге стихотворений В. М. Лапшина, составителем которой он просил быть В. В. Кожинова.

³ См. Ю. Кузнецов. Стихотворения и поэмы. М., 1989. Б. Сиротин. Происшествие в новом городе. 1989. Ст. Куняев. Путь. Стихи разных лет. М., 1982. Н. Тряпкин. Избранное: (1940–1979). М., 1980.

⁴ Переписка В. М. Лапшина с Е. В. Курдаковым известна. Писем поэтов Бориса Сиротина и Александра Позднякова в известной нам части архива В. М. Лапшина не найдено.

⁵ В. А. Старостин (1910–1995) – костромской писатель, в прошлом – председатель колхоза.

⁶ Очевидно речь идёт о стихах поэта Багаутдина Казиева, на которые внимание В. В. Кожинова обратил В. М. Лапшин.

26.10.92

Дорогой Витя!

После нескольких в том или ином смысле “нескладух” ты прислал, наконец, настоящие лапшинские вещи — и я очень рад. Видно, было у тебя год-полтора нестройно в душевном храме, а сейчас замечательно достойный голос звучит. Правда, есть “небрежения”.

“Во тьме”: *И подобразами в углу плевками — нехорошо.*

Слухробкий нечаянно ловит инобытию — как-то иначе надо.

“Кузькина мать”: **Пелкузька** о гордом “Варяге”.

“На рынке”: Не годится, что только из 16-й строки узнаёшь: речь идёт о женщине.

“Миг”: *Где рок мой заблудился.*
Это **неточно** — рок.

Ты скажешь: вот, мол, мелочи. Но сообщу тебе малоизвестное. Пушкин читает “Будрыс и его сыновья”. Слушатели хвалят. Пушкин: “ — Я недоволен этими стихами... Например, полячка младая... Это небрежно, надобно было сказать молодая, но я поленился переделать **три стиха для одного слова**”. (“Разговоры Пушкина”, М., 1991, с. 207).

* * *

Бедный Витя! Зачем ты отказался от Абая?¹ Это удивительная наивность. Никаких “переводов”, кроме детективов и порнухи, в Москве не издают. Если и есть, то десятки “маститых” профессионалов дерутся за каждую 1000 строк. Я бы на твоём месте попробовал бы вернуться к Абаю — перевёл бы по субботам и воскресеньям.

Насчёт Проханова ты не прав. Ты просто не можешь даже **вообразить** себе, как он занят. И вовсе не только “глобальными” проблемами².

Ну, будь здоров. И ещё — я бы на твоём месте завёл поросят, кур и т. д. По-моему, это единственное реальное спасение сегодня, или, точнее, завтра.

Обнимаю, привет супруге.
В. К.

¹ Речь идёт о переводах Абая Кунанбаева, с которыми к В. М. Лапшину обратились казахстанские издатели.

² Очевидно, для В. М. Лапшина было трудновыносимо долговременное невнимание к его стихам, на которое он и пожаловался В. В. Кожинину.

Письма Вадима Кожина Евгению Курдакову

5.2.87

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Васильевич!

Хотя у меня есть некоторые существенные пожелания Вам (о них напишу как-нибудь потом), не могу не сказать сразу же, что Вы — совершенно замечательный поэт. Конечно, Вы и сами это понимаете, но когда ещё кто-то понимает — наверное, немаловажно.

Впрочем, буду хвалить Вас не словом, а делом (это мне привычнее). Я пишу сейчас для “дискуссионного” сб(орника) статей в “Сов(етском) писателе”

обзор сегодняшней поэзии и считаю теперь, — после прочтения Вашей книги¹, — необходимым сказать там о Вас². Во-вторых, я готовлю для массового издания сборник стихотворений лучших современных поэтов (примерно 10 имён) и должен поместить в эту антологию и Ваши стихи³. В третьих, хочу опубликовать солидную подборку Ваших стихотворений в к(аком)-н(ибудь) журнале или альманахе⁴.

Пожалуйста, не откажитесь сделать следующее (**прошу**, потому что знаю — Вы не из тех, кто бодро рвётся на такого рода предложения):

1) Пришлите **как можно больше** стихотворений — именно как можно больше (даже если можете прислать несколько сот).

2) Хотел бы получить “Сад мой живой”⁵.

3) Обязательно сообщите **подробные** сведения о себе (включая “анкетные”).

4) На случай публикации в журнале (есть такие варианты) пришлите фотографию.

5) Напишите, кого из современных поэтов Вы цените (и м(ожет) б(ыть) поэтов XX века вообще).

Ради Бога не воспринимайте моё письмо как нечто подобное **псам Актеона**⁶ — я другой человек.

Поскольку я Вас читаю и буду читать, хотелось бы, чтобы Вы, в свою очередь, прочитали мою статью в журнале “Наш современник” № 11 за 1981 г. (в областной б(ibliote)ке Усть-Каменогорска наверняка найдёте этот номер). И написали мне о Вашем восприятии этого опуса⁷.

Стихами Вашими в Москве восхищаются уже десятки людей (в т(ом) ч(исле) и поэты), хотя я получил книгу только три дня назад (Вы послали её по старому адресу — новый на конверте — и она долго добиралась до меня).

От души — всего Вам самого доброго.

В. К.

¹ Речь идёт о книге Е. В. Курдакова “Мой берег вечный”, Алма-Ата, 1986.

² Статья В. В. Кожина “Истинное и мнимое. Поэзия сегодня” в сборнике “Взгляд”, М., 1988.

³ Это издание не состоялось.

⁴ См. следующее письмо о переговорах с редакцией ж. “Новый мир”.

⁵ Книга стихов Е. В. Курдакова, вышедшая в 1984 году в Алма-Ате.

⁶ “Псы Актеона” — стихотворение Е. В. Курдакова. Имеются в виду его заключительные строки: “Стихи мои, слепые псы, собаки Актеона, я вас с руки кормил, а вы всё мчитесь мне вдогон...”

⁷ Речь идёт о статье В. В. Кожина “И назовёт меня всяк сущий в ней язык...”, которую он считал во многом определяющей для себя.

2.6.87

Дорогой Евгений Васильевич!

Сочинение Ваше о птицах, без сомнения, в высшей степени интересно, но само направление мысли мне, должен признаться, чуждо¹. Это, разумеется, вовсе не значит, что я не усматриваю в Вашем сочинении подлинной **ценности**. Просто мне трудно обсуждать Вашу мысль. Если Вы не против, я бы дал рукопись одному замечательному человеку, который, как мне представляется, сможет понять Вас родственнее и глубже². Жду Вашего согласия.

Мне захотелось, чтобы Ваши стихи стали широко известны. Надеюсь, что Вы не будете возражать против публикации в “Новом мире”. Чухонцев (он ведает там поэзией — в частности дал в № 4 — кажется, так? — большую подборку Николая Тряпкина³) обещал мне для Вас № 9 (это, уверяю Вас, очень быстро — боюсь даже, как бы не сорвалось)⁴.

Он отобрал “Оттепель”, но очень просит опустить предпоследнюю строфу, считая её ухудшающе “литературной”. Думаю, в этом есть резон (к тому же **сила** стихотворения обратно пропорциональна его длине). Даже —

“Словно белый рассвет” и “Псы Актеона”, где уже я (и Чухонцев согласен) прошу снять строфу “Дышали псы вокруг, хрипя и клацая зубами...” Во-первых, здесь искажён миф: Актеон “не посмел калечить” не собак, а своих товарищей по охоте — людей. Во-вторых, “дышала смерть...” — неудачная строка. В-третьих, (Вы, возможно, этого не видите), стихотворение очень чётко разделяется на **восьмистишия**, каждое из которых — относительно самостоятельное **звено** мифа. Так и стоит печатать. А указанная строфа — выпадает из этого **само собой** сохранившегося членения (обратите внимание: каждое восьмистишие начинается или заканчивается упоминанием о “мифе”). И ещё. Чухонцев просит разрешить напечатать отрывок (указав, что это отрывок) из “Баллады перевода” под названием “Абай”.

Обо всём этом жду Ваших — надеюсь, скорых — соображений.

Моя статья о сегодняшней поэзии (я писал Вам о ней), где речь идёт и о Вас, сдана в производство.

Да, на будущее: прошу Вас переделать строку в стих(отворении) “Старый пень”:

*Сквозь **короб** **корявой** **коры** под трухой*

м. б. шершавой? слишком уж заформализовано.

Знаете ли Вы книгу Василия Казанцева “Стихотворения” (М., “Сов. Россия”, 1986) — вернее, её первый раздел (стр. 13–103)⁵. Интересно, что Вы о ней думаете. Мы с Казанцевым, кстати, говорили о Вашей книге, но об этом коротко не напишешь.

К Вам, возможно, обратится Ю. М. Ключников из Новосибирска. Это замечательный человек и во многих смыслах близкий к Вам.

Знаете ли Вы книгу (антологию) “Поэты тютчевской плеяды” (М., 1982)⁶? Мне кажется, Вам было бы очень важно её изучить, т. е. это пласт русской поэзии, который особенно существен сейчас... Если не найдёте, готов прислать Вам для прочтения.

Всего Вам самого доброго.

В. К.

¹ Эссе Е. В. Курдакова “Спасённые птицы Христа”.

² О ком речь — неизвестно.

³ В “Новом мире” были опубликованы 15 стихотворений Н. И. Тряпкина.

⁴ Публикация стихов Е. В. Курдакова не состоялась.

⁵ Книга, составленная В. В. Кожинным.

⁶ См. “Рассказ о вышедших и выходящих книгах”.

22. 5. 88

Дорогой Евгений Васильевич!

Был рад подышать Вашими стихами — и новыми, и прежними. Но (конечно, Вы можете отвергнуть моё мнение как субъективное), я как-то не верю в “циклы” (в том числе, скажем, и в бесконечные “Циклы” Блока, или Анненского, или Фета). Мне представляется, что **стихотворение**, так сказать, абсолютная единица.

Кратко о Ваших вопросах. В “Огоньке” сменился “зав. поэзией” (теперь — Олег Хлебников, человек, на мой взгляд, с сугубо извращённым миро- и “искусствовосприятием”; к тому же относящийся ко мне болезненно-противоречиво; пьяный — иногда звонит и что-то лепечет, но вообще-то считает врагом, так что помочь я не могу). Что можно сделать: написать **лично** (в “Огонёк”) Феликсу Николаевичу Медведеву, который и решил вопрос о Вашей премии¹. Теперь он не ведаёт поэзией, но вдруг что-нибудь сделает. Попытка — не пытка; напишите. С оттенком задушевности — он, в общем-то мужик “с чуйствами” (как говорит одна моя молодая знакомая).

Что касается издательства “Современник”, я не сомневаюсь, что Ваша книга выйдет там. Просто, по старой русской поговорке “скоро **сказка** скажется, да не скоро **дело** делается”. Но всё же напишите Ларисе Георгиевне Барановой (укажите обязательно, что мол, Кожин посоветовал написать) и спросите, как и что².

Очень рад, что Вы намерены перебраться в Самару. Уверен, что Борис³ Вам поможет, — в самых **разных** отношениях. А Алтай Вы увезёте целиком в себе и к тому же иногда будете ездить туда. А Волга придаст новые силы⁴.

Жаль, что из-за чистого разгильдяйства организаторов (они всё искали Ваш телефон, вместо того, чтобы пойти на телеграф) сорвалась Ваша командировка в начале мая в Питер (где были Ю. Кузнецов, Б. Сиротин и др.).

Если письмо успеет, скажите за торжественным столом, что эмоциональный литератор Кожин желает счастья молодым — я, кстати сказать (что для меня давно большая редкость), сейчас в хмельном состоянии — так уж получилось — и потому как бы уместен за свадебным столом⁵.

Всего Вам самого доброго, глубины души. Пишите, приезжайте.
В. Кожин.

¹ Лауреатом премии ж. “Огонёк” Е. В. Курдаков стал в 1987 году.

² Сборник стихотворений Е. В. Курдакова “Словно белый рассвет” вышел в издательстве “Современник” в 1991 году.

³ Поэт Борис Сиротин, живущий в Самаре.

⁴ Переезд в Самару не состоялся.

⁵ Старшая дочь Е. В. Курдакова в конце мая 1988 года вышла замуж.

О творчестве Евгения Курдакова

Я знаю Евгения Васильевича Курдакова прежде всего как поэта, и поэта, безусловно, замечательного. Может, это покажется нескромным, но я всё-таки выскажу, что в процессе чрезвычайно внимательного и углублённого изучения современной русской поэзии в течение последних 35 лет кое-что посчастливилось мне правильно определить. В частности, я очень рад тому, что мне выпало одному из первых сказать о значении в судьбах и страны, и литературы таких поэтов, как Николай Рубцов, Николай Тряпкин, Анатолий Передреев, Юрий Кузнецов, Виктор Лапшин. Я мог бы назвать ещё целый ряд имён, сейчас общепризнанных, чью высокую значительность мне удалось уловить по первым же публикациям, а некоторых — ещё до того, как они начали печататься. Всё это даёт мне некоторое право на то, чтобы считать мои оценки объективными.

Если говорить о последнем десятилетии, то наиболее яркая и весомая фигура, появившаяся в русской поэзии, это именно Евгений Курдаков. Его публикации немногочисленны, да он и не так много написал, но если представить его поэзию единой книгой, то к ней можно будет применить слова Фета:

*Вот эта книга небольшая
Томов премногих тяжелей,*

Причём творчеству Курдакова присуще редкостное, воистину счастливое сочетание вещей вроде бы трудносоединимых: высокой, изощрённой техники, культуры стиха — и совершенно живой, необычайно естественной, вольной поэтической стихии, с таким непосредственным сопереживанием миру! Мы как-то привыкли, что чаще эти стороны творчества являются нам порознь. . .

Несмотря на то, что за плечами Евгения Курдакова нет какого-то систематического “официального” образования, этот человек, безусловно, очень много работал сам над своим и литературным, и духовным образованием, начав своё духовное становление в интеллектуальной среде Ленинграда.

Вместе с тем, — и это немаловажно и по-своему уникально, — он проработал много лет простым токарем на заводе, — правда, не совсем простым, а высококвалифицированным, ставшим даже лауреатом всесоюзного конкур-

са. Затем серьёзно и глубоко увлёкся фольклористикой, сохранив любовь к дереву на всю жизнь. Эта его работа также, став профессией, имела всесоюзное признание. Этой работе посвящена его книга “Лес и мастерская”.

И, наконец, представляется важным, что он сумел как бы обнять Россию от западных границ до Средней Азии и Алтая, где он прожил долгие годы. Это ему очень много дало в творческом осмыслении мира.

Что касается стихотворческой деятельности Курдакова, то, повторю, среди поэтов, появившихся на литературном небосклоне за последние десять лет, он занимает, безусловно, ведущее место. Но, кроме того, он чрезвычайно высоко образован в области этнографии, археологии, мифологии, и, обладая цепкой интуицией, работает и над осмыслением древних духовных памятников и материальной культуры человечества. Я знаю его довольно многочисленные статьи на самые разные темы, где всегда чувствуется опыт глубокого понимания русской культуры, причём – и это тоже очень важно – русская культура рассматривается в контексте всей Евразии. Эти ценнейшие, самые важные заветы русского сознания (ведь и Пушкин писал, что на “Руси великой” его назовёт “всяк сущий в ней язык”, – то есть любой народ, не только русский), Курдаков воспринял и продолжает эту традицию в своей новой большой книге о русской мифологии в контексте мировой.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что эта книга, будучи издана, станет очень интересным и очень ценным явлением русской культуры. Любое исследование в этой области, конечно же, вызовет неизбежные споры – слишком издалека приходит к нам это наследство, ничего в мифологии нельзя утверждать со стопроцентной точностью. Здесь особую важность приобретает сама личность исследователя. Когда на такую тему пишет человек, духовно богатый, если хотите – смелый в своём отношении к духовно-исторической реальности, то получается не просто интересное чтение. Это и вклад в утверждение национального самосознания.

Я всецело поддерживаю план издания книги Евгения Курдакова “Русский Пантеон”, несмотря на то что, повторяю, многие её аспекты могут быть спорны. Но когда речь идёт о духовной реальности, создававшейся несколько тысячелетий, споры, конечно же, неизбежны. Знаменитый пространственный трактат Афанасьева “Поэтические воззрения славян на природу”, классика русской мифологической литературы, массу споров вызывает и до сих пор. И они не могут быть препятствием для новой попытки проникновения в древнейшее наследство славян. Такая попытка и оправдана, и просто необходима.

27 февраля 1996 года.

В. В. Кожин,
ведущий сотрудник РАН,
член Союза писателей России.